

Георг ЭБЕРС

ИИСУС НАВИН

Георг Эберс
Иисус Навин

«ВЕЧЕ»

1889

Эберс Г. М.

Иисус Навин / Г. М. Эберс — «ВЕЧЕ», 1889

То обстоятельство, что египтяне уничтожили дома его народа, воспламенило гнев сына Нуна, хотя он не видел никакого основания прибегать к кровавому мщению. Но приходит время, когда вера и долг возлагают на плечи этого человека тяжелую ответственность. Роман известного немецкого писателя и ученого Георга Эберса рассказывает о сложной судьбе пророка и полководца, сподвижника и преемника Моисея, одного из великих и самых жестоких военачальников древней истории – пророка Иисуса Навина.

© Эберс Г. М., 1889

© ВЕЧЕ, 1889

Содержание

Об авторе	6
Избранные сочинения Г. Эберса:	7
I	8
II	13
III	17
IV	21
V	25
VI	32
VII	37
VIII	40
IX	43
X	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Георг Эберс Иисус Навин

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

Об авторе

Известный немецкий ученый, писатель и археолог Георг Мориц Эберс (1837–1898) вошел в мировую литературу как автор серии исторических романов, шумный успех которых способствовал развитию интереса к Древнему Востоку в самых широких кругах общества XIX века.

Эберс учился в Геттингене на юридическом факультете, а затем в Берлинском университете, занимаясь восточными языками и археологией. Став специалистом по египтологии, он получил должность профессора в Лейпцигском университете, открыв при его кафедре Музей античных древностей.

Египет неустанно манил Эберса как ученого. Он совершил в эту страну несколько экспедиций. Результатом первой из них стало большое исследование – «Древний Египет и книги Моисеевы», укрепившее авторитет молодого немецкого профессора в ученых кругах. Вторая поездка в Египет стала судьбоносной. Благодаря ей имя Эберса навсегда вошло в историю мировой культуры. В фиванском некрополе в Луксоре молодой ученый обнаружил древний манускрипт, относящийся к середине XVI века до нашей эры. Ныне этот документ известен как «папирус Эберса» и хранится в библиотеке Лейпцигского университета. Расшифровка этого загадочного манускрипта помогла разгадать многие тайны древнеегипетской медицины.

Георг Эберс был не только замечательным ученым, но и пылким пропагандистом античной литературы. Еще будучи студентом и учеником знаменитого профессора-египтолога Карла Рихарда Лепсиуса (1810–1884), Эберс, параллельно со своей исследовательской деятельностью, начал писать роман «Дочь фараона» (1864), который поначалу вызвал удивление, а потом и некоторое недоверие в научных кругах. За ним последовало еще одно сочинение из египетской истории – роман «Уарда». Эта книга была уже восторженно встречена как широкой публикой, так и учеными, которые признали полное соответствие бытовых и исторических деталей романа научным данным. Не забывая науку, Эберс увлекся творчеством и написал еще несколько романов из истории Древнего мира. Весь его так называемый «египетский цикл», состоящий из 12 книг, охватывает период со времен царствования Рамсеса II, начиная с середины XIV века, и доходит до нашей эры (середина VII века), периода становления арабского господства над Египтом.

Кроме того, писатель создал несколько интересных книг из истории жизни в средневековой Европе, таких как «Жена бургомистра», «Слово», «Барбара Бломберг», которые тоже были хорошо восприняты читающей публикой.

Отличительной особенностью всех художественных произведений Эберса является превосходная и во всех отношениях научно-обоснованная реконструкция изображаемой им эпохи, все детали и факты которой всесторонне проанализированы и изучены. Писатель буквально вживался в интересующую его эпоху, прежде чем начинал наносить на ее фоне замысловатый узор своего романтического повествования. Книги Эберса очень познавательны, но, кроме того, в них присутствует увлекательный сюжет, они полны драматизма, интересных судеб и хорошо выписанных портретов не только вымышленных персонажей, но и реальных личностей.

«Уарда», «Император», «Серапис», «Иисус Навин», «Клеопатра». Эти и другие романы из древней истории по праву закрепили за Георгом Эберсом славу «германского Вальтера Скотта».

Владимир Мартов

Избранные сочинения Г. Эберса:

Дочь фараона (Die ägyptische Königstochter, 1864)

Уарда. Любовь принцессы (Uarda, 1877)

Ведь я человек (Homo sum, 1878)

Сестры (Die Schwestern, 1880)

Император (Der Kaiser, 1881)

Вопрос (Eine Frage, 1881)

Жена бургомистра (Die Frau Bürgermeisterin, 1882)

Слово (Ein Wort, 1882)

Серapis (Serapis, 1885)

Невеста Нила (Die Nilbraut, 1887)

Гред (Die Gred, 1889)

Иисус Навин (Josua, 1890)

Тернистый путь. Каракалла (Per aspera, 1892)

Клеопатра (Kleopatra, 1893)

Барбара Бломберг (Barbara Blomberg, 1896)

Арахнея (Arachne, 1897)

I

– Сойди вниз, дедушка, а я останусь на страже.

Старик, к которому были обращены эти слова, отрицательно покачал остриженной головой.

– Но ведь там ты не уснешь.

– А звезды? А внизу? Отдых в такую ужасную ночь!..

– Тебе холодно. Как дрожат твоя рука и твой инструмент!

– Так поддержи мою руку.

Юноша, к которому относилось это приказание, охотно повиновался, но через несколько минут вскричал:

– Все это напрасно: звезды исчезают одна за другой в темных облаках. А эти скорбные вопли, долетающие из города... Они доносятся и из нашего дома. Мне так страшно, дедушка, пощупай, как пылает моя голова! Сойди вниз, может быть, там нуждаются в помощи.

– Помощь в руках богов, а мое место здесь. Но там, там... Вечные боги! Посмотри к северу, на море. Нет, западнее, что-то движется от некрополя...

– О дед, отец там! – вскричал его собеседник, молодой жрец, помогавший своему деду, гороскопу¹ Аммона-Ра² на обсерватории храма этого бога в Танисе, резиденции фараона на севере провинции Гесем³, и убрал свое плечо из-под руки опиравшегося старца. – Там, там! Не море ли врывается в сушу. Не тучи ли низверглись на землю? О дедушка, там!.. Да умилосердятся над нами небесные силы! Открылась преисподняя! Гигантская змея Апоп⁴ ползет из города мертвых! Вот она извивается возле храмов, я вижу, я слышу ее... Угроза великого еврея исполняется: наше племя будет сметено с лица земли. Змея! Ее голова обращена к юго-востоку. Наверное, она проглотит юный утренний свет, едва солнце поднимется...

Глаза старика следили за указательным пальцем юноши, и он тоже увидел какую-то громадную черную, двигавшуюся во тьме массу, очертания которой терялись во мраке, и с содроганием услышал ее рев.

Напрягая зрение и слух, оба они всматривались в ночную тьму; но, вместо того чтобы смотреть вверх, глаза звездочетов были обращены вниз, на город, на дальнее море и на плоский ландшафт.

Вверху царствовало глубокое, но тревожное молчание; ветер то свертывал тучи в какие-то бесформенные массы, то разрывал их серый покров и стремительно разгонял их в разные стороны. Месяца не было видно, но облака играли с яркими звездами юга, то заслоняя их, то открывая свободный путь их лучам. И как наверху, на небе, так и внизу, на земле, происходила беспрестанная смена бледного света черной тьмой. Порою море, воды реки, гладкая поверхность гранитных обелисков вокруг храма и медная позолоченная кровля увеселительного царского дворца блестели от звездного сияния; порой и море, и река, и суда в гавани, храмы и улицы города, вместе с окружавшею его покрытой пальмами равниной, исчезали во мраке. То, на чем жаждали остановиться глаза, тотчас отнималось у них снова. Такие же перемены представлялись и для слуха. Порою тишина была до того глубока, точно

¹ Гороскоп – в Древнем Египте жрец, наблюдающий за звездами.

² Аммон-Ра (сокрытый, потаенный) – в египетской мифологии бог солнца, «царь всех богов», с ним связано обожествление фараона, почитавшегося как сын Аммона-Ра во плоти.

³ Гесем – «земля дождя»

⁴ Апоп – в египетской мифологии огромный, обитающий в глубине земли змей, олицетворяющий мрак и зло, извечный враг бога Ра.

далеко кругом исчезли и замерли всякие звуки жизни; порой резкий жалобный вопль нарушал безмолвие ночи. Тогда, после более или менее продолжительного затишья, снова слышался тот рев, который молодой жрец принял за голос змеи подземного мира, и оба они – и дед и внук – прислушивались к нему с возрастающим напряжением.

Темная масса, поступательное движение которой заметно было каждый раз, как только звездный свет пробивался сквозь тучи, шла от города мертвых и квартала чужеземцев.

Старика, точно так же как и юношу, охватил внезапный ужас; но первому удалось скорее прийти в себя, чем последнему, и его проницательный взгляд астронома скоро заметил, что эта масса представляет собою не одно какое-то гигантское тело, выходящее с кладбища на равнину, а множество тел, которые, подобно волнам, вздымались и разливались по городскому выгону. Рев и блеяние доносились не из одного какого-нибудь места, они слышались то в меньшем, то в большем отдалении. Порой старик думал, что эти звуки выходят из недр земли, порой ему казалось, что они доносятся сверху, с небесных высей.

И вновь им овладел ужас. Правой рукой он схватил руку внука, а левой указал ему на город мертвых и дрожащим голосом вскричал:

– Мертвецов слишком много. Преисподняя изливается, точно Нил, когда его ложе слишком тесно для воды, хлынувшей с юга. Как стонет, вздымается и волнуется эта масса, как она разрывается то ближе, то дальше! Это – тысячи душ, похищенных смертью! Обреченные проклятием еврея, бесприютные, беззащитные от гибели, они вступили на ступени лестницы, ведущей в вечность.

– Да, это они, – проговорил с убеждением его собеседник. Он вырвал руку из руки старика, стукнул ладонью по своему лихорадочно горевшему лбу и, едва владея словами от ужаса, воскликнул: – Да, это они, осужденные! Буря загнала их в море, его волны выбросили их на землю, но и священная земля не желает принять их и изгоняет в воздушное пространство. Чистый эфир бога Шу⁵ низвергает их обратно на землю, и вот посмотри, прислушайся: теперь они с воем отыскивают путь в пустыню.

– В огонь! – вскричал старик. – Очисти их, пламя, омой их, вода!

Юноша повторил эту формулу заклинания, произнесенную старцем; и затем оба они возвысили голос, чтобы произнести ее вместе, в это время опускавшаяся дверь обсерватории, находившейся на вершине самых высоких ворот храма, поднялась, и какой-то жрец низшего разряда крикнул старцу:

– Оставь свою работу! Время ли теперь заниматься небесными светилами, когда на земле угасает все, имеющее жизнь!

Старик безмолвно выслушал эти слова и, когда жрец, дрожа, сказал, что его прислала сюда жена гороскопа, спросил:

– Гора? Неужели и моего сына взяла смерть?

Жрец утвердительно кивнул, и оба – и дед и внук – горько заплакали: первый потерял своего первенца, а второй – дорогого отца.

Но когда юноша, дрожа в лихорадке и совсем растерявшись, кинулся на грудь старика, тот торопливо высвободился из его объятий и поспешил к двери. Хотя жрец и сказал, что он явился в качестве вестника смерти, но для отеческого сердца старика недостаточно было чужих слов, для того чтобы отказаться от надежды, что сын его еще жив.

Старик быстро сходил вниз по каменным лестницам, высоким галереям и обширным дворам храма, а юноша следовал за ним, хотя дрожавшие ноги едва были в состоянии нести его тело, изнемогавшее от лихорадки. Удар, разразившийся над семьей старца, заставил его забыть страшный призрак, который, быть может, всему миру грозил гибелью; но этот при-

⁵ Шу («пустота», «свет») – в египетской мифологии бог воздуха, разделяющий небо и землю. Обычно изображался человеком, стоящим на одном колене с поднятыми руками, которыми он поддерживает небо над землей.

зрак преследовал юношу, и когда он оставил за собою передний двор и приблизился к передовым пилонам, то его душе, взволнованной страхом и горем, показалось, что тени обелисков пляшут и две каменные статуи Рамсеса по обеим сторонам высоких ворот выбивают такт этой пляски.

Наконец лихорадка свалила испуганного юношу на землю. Спазмы исказили его лицо, молодое тело сотрясали конвульсивные порывистые судороги. Старик опустил на колени и, не давая красивой кудрявой голове внука биться о твердые каменные плиты, тихим жалобным голосом проговорил:

– Вот, схватило и его!

Затем он встрепнулся и стал звать людей на помощь, но напрасно. Он понизил голос, ища утешения в молитве. Вдруг услышал он шум по другую сторону пилонов, в аллее сфинксов, и в его сердце возродилась надежда.

Что же происходило в такой поздний час?

К жалобному вою примешивались пение жрецов, звон металлического систрума⁶, сотрясаемого служительницами божества, и мерные шаги богомольцев, шедших в процессии.

К храму приближалось праздничное шествие. Старик поднял глаза, и его взгляд, скользнув по двойным рядам гранитных столбов, громадных статуй и обелисков на переднем дворе, устремился по привычке, приобретенной долгою жизнью, к звездному небу. Горькая улыбка мелькнула на его ввалившихся губах: неужели даже богам было отказано в принадлежащем им чествовании? В другие годы в эту ночь, первую после новолуния, месяца фермути (марта), храм бога обыкновенно покрывался великолепными украшениями из цветов. Когда исчезала тьма этой безлунной ночи, начинался великий праздник весеннего равноденствия и с ним вместе праздник жатвы. Затем, в честь богини Нейт⁷ или Рененут⁸, посылающей благословение нивам, и юного Гора⁹, по мановению которого семена пускают ростки, двигалась, согласно указанию книг о божественном рождении солнца, большая процессия в город, к реке и гавани. Но сегодня спокойствие смерти царствовало в святилище, двор которого некогда наполнялся в этот час мужчинами, женщинами и детьми: они приносили жертвенные дары и складывали их на том самом месте, где теперь смерть коснулась сердца его внука.

Неожиданно яркий свет хлынул в открытое пространство, до тех пор скудно освещенное немногими лампами. Когда могла прийти в голову этим безумцам мысль начать торжество такого радостного праздника, несмотря на невыразимый ужас этой ночи?

Ведь вчера вечером, ввиду беспощадно свирепствующей моровой язвы, совет жрецов решил оставить храм без украшений и отменить процессию. Должно быть, и в храм вторглось это чудовище, в то время как он, гороскоп, следил за движением звезд; иначе почему оставили святилище стражи и другие звездочеты, которые вошли туда вместе с ним при закате солнца и которым обязанность предписывала оставаться здесь ночью?

Затем он с нежной заботливостью снова обратился к страждущему. Но скоро вскочил, потому что ворота открылись, и в передний двор проник яркий свет фонарей и факелов. Бросив быстрый взгляд на небо, старец сообразил, что время перешло еще не далеко за пол-

⁶ Систрум (систр) – древнеегипетская трещотка, состоящая из скобы, на которую нанизаны металлические пластинки; использовался при отправлении культа Изиды.

⁷ Нейт – богиня войны и охоты, как богиня воды и моря она мать бога – крокодила Себека, а также всех крокодилов вообще. Связана с заупокойным культом. Нейт изображали в виде женщины в короне Нижнего Египта, часто – кормящей грудью двух маленьких крокодилов.

⁸ Рененут – богиня жатвы, охранительница собранного урожая.

⁹ Гор – бог неба и солнца, борец со злом. Изображался как ребенок на руках Изиды или как воин с ястребиной головой.

ночь, и, по-видимому, его страх имел основание: жрецы шли в храм, чтобы сделать приготовления к завтрашнему празднику жатвы.

Но нет; разве бывало когда-нибудь, чтобы они для подобной цели вступали в святилище с пением и в стройной процессии? Притом сюда шли не одни служители божества: к ним присоединился народ; с торжественными гимнами смешивались такие жалобные вопли женщин и крики отчаяния, каких он еще никогда не слышал в этом священном месте за всю свою долгую жизнь.

Не обманывают ли его чувства? Не вторгается ли в святилище бога сонм беспокойных духов, на который указывал ему внук с высоты обсерватории?

Им овладел ужас, и, высоко подняв руки, старик некоторое время бормотал заклинание против козней духов тьмы. Но скоро он снова опустил руки, потому что заметил друзей, которых видел еще накануне: во-первых, высокую фигуру второго пророка своего бога, затем женщин, посвященных Аммону-Ра, певцов и жрецов; когда же позади гороскопов и пастофоров¹⁰ он увидел и своего зятя, то ободрился и позвал его. Но его голос был заглушен пением и криками надвигавшейся толпы.

На переднем дворе сделалось светло, но каждый был до того занят своим собственным горем, что никто не заметил старого звездочета. Тогда он сбросил плащ со своих озябших плеч, чтобы подложить его под вздрагивавшую голову юноши, и, делая это с отеческой заботливостью, услышал среди пения и криков приливающей толпы злобные проклятия евреям, навлекшим бедствие на фараона и на его народ, затем снова и снова повторяемое имя наследника престола, царевича Рамсеса. Тон, которым выкрикивалось это имя, показывал, что смерть закрыла глаза и царскому первенцу.

С возрастающим страхом смотрел теперь старик на бледные черты внука; но так как плач о наследнике престола раздавался все громче и громче, то в душу старца проникло чувство некоторой отрады при мысли о нелицеприятии смерти, которая и к сидящим на троне столь же беспощадна, как к нищему, лежащему на пути. Теперь он понял – что привело в храм эту шумную толпу.

С быстротою, на какую только были способны его старые ноги, он поспешил к рядам плачущих; но, не дойдя еще до них, увидел выходявших из сторожки привратника и его жену, которые выносили оттуда на циновке труп мальчика. Муж держал один конец циновки, а его маленькая, худенькая жена – другой, и сторож, обладавший гигантским ростом, должен был низко наклоняться, чтобы окоченевшее тело сохранило горизонтальное положение и не соскользнуло на грудь жены. Трое детей замыкали печальное шествие, впереди которого маленькая девочка несла фонарь.

Может быть, никто не заметил бы этого шествия, но жалобные вопли маленькой жены привратника были так громки и пронзительны, что их не мог заглушить никакой крик. Поэтому сперва второй пророк Аммона, а потом его спутник повернулись к печальной группе. Процессия остановилась, и, когда несколько жрецов приблизилось к трупу, привратник вскричал:

– Прочь от пути заразы! Она поразила нашего первенца!

Жена привратника вырвала фонарь из рук своей дочери, осветила им мальчика и простонала:

– И бог потерпел это?! Он допускает такой ужас под своею собственной кровлей! Не его воля, нет, а проклятие чужеземца властвует над нами и над нашей жизнью. Посмотрите сюда! Это был наш первенец. Моровая язва свалила также двух служителей храма. Один уже умер. Он лежит там, в нашей комнате; а вон там, там лежит еще один, молодой Камус, внук гороскопа Рамери. Мы слышали зов старика и видели, что произошло; но кто заботится

¹⁰ Пастофоры – высшая категория непосвященных жрецов, которые обычно несли святыни.

о поддержании чужого дома, когда обваливается свой собственный? Защищайте себя сами, так как боги отворили свой храм для чудовища, и если погибнет весь мир, это не удивит меня и, конечно, не опечалит! Высокопоставленные господа жрецы, я не более как бедная, ничтожная женщина, но не вправе ли я спросить: не спят ли наши боги, не изувечены ли они каким-нибудь волшебством или что они делают, где они, что позволяют еврейскому племени властвовать над ними и над нашими детьми?

– Идем на них! Долой чужеземцев! В воду чародея Мезу¹¹, смерть ему! – точно эхо в ответ на зов, прозвучали крики за проклятием женщины.

Зять старого гороскопа, начальник лучников Горнехт, горячая кровь которого закипела при виде милого умирающего племянника, размахивая своим коротким мечом, вскричал вне себя:

– Так пусть идут за мною те, у кого есть сердце! На них! Жизнь за жизнь! Десять евреев за каждого египтянина, умерщвленного волшебником!

Подобно тому как стадо бросается в огонь вслед за предшествующим ему бараном, толпа была увлечена криком знатного воина. Женщины впереди мужчин кинулись к воротам, и так как жрецы оставались в нерешительности, желая узнать сперва мнение пророка, то его величественная фигура выпрямилась, и он спокойно произнес:

– Со мною на молитву все, носящие жреческое одеяние! Народ есть орудие небесных сил. Возмездие в их руках. Мы же остаемся здесь, чтобы молиться об успехе отмщения.

¹¹ Мезу, или Месу (т. е. «рожденный»), – египетская форма имени Моисей.

II

Бай, второй пророк Аммона, исполнявший обязанности вместо первого пророка и верховного жреца Руи, одряхлевшего от старости, направился обратно в святая святых; прочие служители божества приступили к исполнению других обязанностей, а яростная толпа ринулась по улицам города к отдаленному кварталу, населенному евреями.

Подобно тому как бурный поток в половодье, с шумом низвергаясь в долину, уносит с собой все, что попадает ему на пути, так толпы людей, стремившихся к мести, увлекали за собою всех встречных. Ни один египтянин, у которого смерть отняла то, что ему было дорого, не отказался присоединиться к этой массе народа, и, таким образом, она росла и росла, и сотни людей превратились в тысячи. Мужчины, женщины и дети, свободные и рабы, охваченные бешеным желанием принести гибель и смерть ненавистным евреям, спешили в отдаленный еврейский квартал.

Едва ли сами они знали, каким образом заступ очутился в руке вот этого ремесленника или топор у той хозяйки. Они стремились вперед для смерти и разрушения и не искали того, что им нужно было для этой цели: оно само попадалось им под руки.

Первым, на кого должна была обрушиться их ярость, был еврей Нун, уважаемый и многими любимый старик, богатый стадовладелец. Он делал добро даже египтянам, но там, где господствуют ненависть и мщение, робкая благодарность молча отходит в сторону.

Его большой дом, как и другие дома и хижины его соплеменников, находился в западной части Таниса, в квартале чужеземцев, и ближе всех примыкал к улицам, населенным египтянами.

Обыкновенно в этот час коровы и овцы Нуна выгонялись на водопой и пастьбу, и тогда большой двор перед его домом был полон скота, работников и работниц, телег и земледельческих орудий. Владелец дома имел обыкновение наблюдать за выходом стада, и его-то вместе с его домочадцами яростная толпа избрала первой жертвой.

Самые проворные из египтян вскоре достигли его обширного двора, в том числе зять старого гороскопа, начальник лучников Горнехт. Дом и двор были ярко освещены утренним солнцем. Какой-то сильный кузнец ударил ногою в крепкие ворота, но незапертые створы подались так легко, что он вынужден был схватиться за столб, чтобы не упасть. Другие прежде него ворвались во двор, и между ними начальник лучников.

Но что это? Не новое ли какое-нибудь волшебство еще раз доказало силу еврейского вождя Мезу, наславшего на страну такие страшные бедствия, и могущество его Бога? Двор был пуст, совершенно пуст. Только в хлевах лежало несколько забитых больных коров и овец, и один маленький хромой ягненок заковылял прочь, когда увидел ворвавшуюся толпу.

Даже повозки и телеги исчезли. Ревущая и блеющая движущаяся масса, которую жрец принял за души осужденных, была не чем иным, как шествием выселявшихся евреев, которые ночью со своими стадами покидали старую родину под предводительством Моисея.

Начальник лучников опустил меч, и можно было подумать, что его приятно изумило найденное им здесь; но его сосед, писец из казнохранилища фараона, разочарованный, осматривал пустой двор с видом обманутого человека.

Гнев и злоба в душе человека подобны морю, вздымающему ночью высокие волны и понижающему свой уровень при ярком дневном свете: так и в душе воина легко поддававшаяся возбуждению страсть давно уже уступила место большому спокойствию. Других евреев он хотел бы подвергнуть самым тяжким карам, но не Нуна, сын которого Иосия был его товарищем по оружию, одним из самых уважаемых военачальников и притом другом его дома. Если бы он вспомнил об Иосии и сообразил, что первому нападению подвергнется

двор его отца, то, наверное, не стал бы во главе этого движения мести; он раскаивался в том, что забыл спокойную рассудительность, которую предписывал ему его возраст.

Однако же пока многие грабили и начали разрушать дом бежавшего Нуна, явились несколько мужчин и женщин, которые объявили, что в соседних домах не обнаружено ни одного живого существа. Другие рассказывали о брошенных кошках, притаившихся в опустевших хлевах, об убитой старой скотине и о поломанной утвари. Но наконец разъяренная толпа приволокла какого-то еврея с его домочадцами и какую-то слабоумную седую женщину, которую стащили с соломы. Лукаво хихикая, старуха уверяла, что ее соплеменники охрипли, звавши ее, но Мегена умна и бежать, все время бежать, как они желали, она не согласна: ведь ее ноги так слабы и у нее совсем нет башмаков.

Мужчина, безобразный еврей, которого даже из его соотечественников немногие признали бы достойным сострадания, уверял – то с приниженностью пресмыкающегося, то со свойственной его натуре дерзкой наглостью, – что ему нет никакого дела до ложного бога, во имя которого соблазнитель Моисей заманил свой народ в погибель, и что он вместе с женою и ребенком всегда стоял за египтян. В самом деле его знали многие: он был ростовщик, и пока его соплеменники готовились к странствованию, он скрывался, чтобы продолжать свое нечестное ремесло и не потерпеть никакого убытка.

Среди разъяренной толпы находились и некоторые из его должников; но и без них его участь была бы решена, так как он был первым евреем, на котором возбужденная толпа могла показать, что она не шутит со своей местью. Она бросилась на него с дикими криками, и скоро несчастный ростовщик и члены его семьи превратились в валяющиеся на земле трупы. Никто не знал, кто был зачинщиком этой кровавой расправы, так как слишком много людей накинuloсь на убитых.

Другие оставшиеся евреи, схваченные в домах и хижинах – а таких оказалось немало, хотя некоторым удалось убежать, – с неменьшею быстротой пали жертвой мести народа; и между тем как в одном месте лилась кровь, в другом работали топоры, обрушивая балки, столбы, стены, ворота, чтобы снести с лица земли жилища ненавистного племени.

Пылающие уголья, принесенные разъяренными женщинами, были потушены и затоптаны, так как более рассудительные из толпы указали на опасность, которою пожар в квартале чужеземцев¹² угрожал соседним с ним домам египтян и всему Танису.

Таким образом, еврейский квартал был спасен от пламени; но, когда солнце поднялось выше, места, где находились прежде жилища переселенцев, были окутаны непроницаемыми облаками беловатой пыли, и там, где еще вчера тысячи людей обладали уютным домашним очагом и где большие стада утоляли свежей водою жажду, раскаленная почва была покрыта только мусором, камнями, расщепленными балками и поломанными вещами из дерева. Собаки и кошки, брошенные на произвол судьбы, бродили между этими обломками; к ним присоединились женщины и дети из нищенских хижин, лепившихся на окраине соседнего с еврейским кварталом некрополя. Защищая рот от удушающей пыли, они искали, не найдется ли какой-нибудь посуды или съестных припасов, оставленных беглецами и не унесенных грабителями.

В полдень второй пророк Бай, которого несли на носилках, приблизился к уничтоженному кварталу. Он явился сюда не за тем, чтобы насладиться зрелищем разрушения, а потому что это был ближайший путь от некрополя к его дому. Однако же на его сомкнутых губах мелькнула улыбка удовольствия, когда он увидел, как основательно народ выполнил свою работу. Правда, то, чего желал сам Бай, не было сделано: вожди беглецов избегли его мщения, но все же ненависть, хотя она и ненасытна, порой удовлетворяется и немногим: ее

¹² Согласно Геродоту, первые кварталы чужеземцев – тирский и финикийский возникли в городе Мемфисе. Позднее они появились и во многих других городах Древнего Египта. Еврейский квартал Таниса был одним из самых обширных.

радует даже и менее значительный вред, нанесенный врагу. Жрец возвращался от скорбящего фараона: ему еще не удалось освободить царя от оков, в которые заковал его еврейский чародей, но он расшатал их.

Когда этот волевой, честолюбивый человек одиноко размышлял в святилище о случившемся и обдумывал предстоявший ему доклад, то он, не имевший в других случаях обыкновения говорить сам с собою вслух, беспрестанно бормотал про себя одну фразу: «Так благослови и меня!»

С этою просьбою сам фараон обратился к одному человеку, и этим человеком был не Руи, главный судья и верховный жрец, и не он сам, второй пророк, – единственные лица, которым приличествовало благословлять царя, – а нечестивейший из нечестивых, иноземец, еврей Мезу, которого он ненавидел больше, чем кого бы то ни было на земле.

«Так благослови и меня!» Эта благочестивая, исполненная доверия просьба, вырвавшаяся из уstraшенной человеческой души, точно кинжал, вонзилась в душу жреца. Ему казалось, что подобным желанием, которое такие уста извергли на благоволение такого человека, был сломан жезл и сорвана барсова шкура с плеч жреческого сословия, что эти слова позорят весь его народ, который он любит.

Он знал Моисея как одного из мудрейших людей, вышедших из египетских школ; ему хорошо было известно, что фараон находится под обаянием этого человека, выросшего в его царском доме и бывшего другом его отца, великого Рамсеса. Он был свидетелем, как его повелитель прощал Моисею преступления, которые другим, будь это хоть самые высокопоставленные лица, стоили бы жизни. И какое значение должен был иметь этот еврей для фараона, бога солнца на всемирном троне, если тот у смертного одра своего собственного сына мог поддаться порыву, поднять к нему руки и вскричать:

– Так благослови и меня!

Все пророк сказал себе самому и зрело обдумал и все-таки желал и решился не отступить перед могущественным чужеземцем.

Приготовить гибель ему и его народу он считал самой священной и самой настоятельной из своих обязанностей. Чтобы привести ее в исполнение, он не колебался наложить свою руку на трон. В самом деле, фараон Марнепта¹³ своей нечестивой просьбой: «Так благослови и меня!» – лишился в его глазах права царствовать.

Мезу был убийцей первородного сына фараона, но он, Бай, и старый верховный жрец Аммона имели в своей власти и благоденствие, и погибель души умершего мальчика. Это оружие было сильно и остро, и он знал слабое, изменчивое сердце царя. Если бы верховный жрец Аммона, единственный человек, поставленный выше его, – не противился ему из-за своих старческих ни на чем не основанных капризов, то ему ничего бы не стоило принудить фараона к уступчивости; но то, на что этот непостоянный человек соглашался сегодня, он отменял завтра, когда еврею снова удавалось стать между ним и его египетским советом. Еще сегодня этот недостойный сын великого Рамсеса, услышав только имя чародея, изменился в лице и задрожал, как испуганная антилопа; каким же образом завтра он будет его проклинать и изречет над ним смертный приговор? Может быть, он согласится на это, но послезавтра он, наверное, призовет его опять и снова будет у него просить благословения. Прочь этого фараона, эту колеблющуюся тростинку на троне! Притом он нашел уже надлежащего наследника между князьями царской крови. Как только наступит время, как только закроет глаза верховный жрец Аммона, верховный судья Руи, который давно уже перешел за пределы времени, даруемого божеством для человеческой жизни, на его место вступит он, Бай, и для египтян начнется новая жизнь, а с Мезу и его племенем будет покончено.

¹³ Марнепта (точнее, Марнептах) – тринадцатый сын Рамсеса II, вступил на престол в возрасте 40 лет и правил с 1225 по 1215 г. до н. э.

Во время этих размышлений над головою пророка пролетела пара воронов и, каркая, опустилась на пыльные развалины одного из разрушенных домов. Он невольно посмотрел им вслед и заметил, что целью их полета был труп убитого еврея, наполовину покрытый мусором. Тогда по его умным, суровым чертам снова пробежала улыбка, которой не умели объяснить жрецы низшего разряда, окружавшие его носилки.

III

В числе людей, сопровождавших пророка, находился и начальник лучников Горнехт. Они были друг с другом в очень коротких отношениях, так как этот воин стоял во главе знатных людей, составивших заговор для низвержения Марнепта.

Когда они приблизились к разрушенному дому Нуна, жрец указал военачальнику на развалины и проговорил:

– Тот, кто некогда владел этим, есть единственный еврей, которому я даровал бы пощаду. Это был хороший человек, а его сын Иосия...

– Он на нашей стороне, – прервал его Горнехт. – В войске фараона мало людей лучше его, и, – прибавил он тихо, – я надеюсь на него в решительный день.

– Об этом – при немногих свидетелях, – прервал его жрец. – Впрочем, именно я обязан ему особой благодарностью. Во время ливийской войны, ты ведь знаешь это, я попал в руки неприятеля, и Иосия со своим маленьким отрядом вырвал меня из вражеских рук. – Затем пророк, понизив голос и как бы извиняясь в случившемся здесь, продолжал своим поучительным тоном: – Так происходит на земле. Там, где большой круг людей делается достойным наказания, принадлежность к нему вредит даже и невинным. В подобном случае даже боги не отмечают одиноких от толпы; мало того, даже невинных животных постигает несчастье. Посмотри только на эти стаи голубей на мусоре: они напрасно ищут приюта. А кошка вон там, с котятками! Беки, поди и возьми ее с собой, это наша обязанность избавлять священных животных от голодной смерти.

Эта добрая забота о неразумном создании была так близка сердцу человека, который только что, сейчас, с диким наслаждением думал о гибели многих людей, что он велел остановить носилки и наблюдал, как его слуги ловили кошек. Но дело шло не так скоро, как он ожидал. Одна из кошек скрылась в ближайшее отверстие погреба, а оно было так узко, что, по-видимому, совершенно ограждало животное от преследования слуг. Однако же младший из них, тонкий нубиец, схватил ее; но едва он приблизил лицо к отверстию, как снова отступил и закричал своему господину:

– Там лежит человеческое существо и, кажется, еще живое! Да, вот оно поднимает руку... Это мальчик или юноша и, наверное, не раб, потому что его голова вся в кудрях и, – тут солнечный луч проник в погреб, – и на руке выше локтя широкий золотой обруч!

– Может быть, это кто-нибудь из родственников Нуна, о котором они забыли, – сказал воин, а пророк Бай прибавил с жаром:

– Воля богов! Их священные животные указывают мне способ оказать услугу человеку, которому я обязан великой благодарностью. Постарайся пролезть в погреб, Беки, и принеси ко мне мальчика.

Нубиец отвалил камень, падение которого сузило отверстие, и вскоре затем передал своему товарищу неподвижного молодого человека, которого слуга отнес к колодцу, где с помощью воды привел в чувство.

Очнувшись, юноша протер глаза, посмотрел на себя и – как бы не сознавая, где он находится, – вокруг себя и, точно охваченный горем и ужасом, поник головой, кудри на которой на затылке слиплись от черных натеков запекшейся крови.

Пророк позаботился о том, чтобы обмыли рану, нанесенную мальчику упавшим камнем, и, когда ему сделана была перевязка, подозвал его к своим носилкам, прикрытым зонтиком.

Молодой еврей после долгого ночного странствования пришел перед восходом солнца в дом своего деда Нуна из Питома¹⁴, который евреи называли Суккот, в качестве посланца. Найдя дом пустым, он лег в оставленном жилище, чтобы немного отдохнуть. Его разбудил шум разъяренной толпы, и когда он услышал проклятия против своего народа, раздававшиеся по всему дому, то убежал в погреб, и крыша, о которую он ударился при входе туда, послужила ему спасением, так как густые слои пыли, которые при ее падении засыпали все, скрыли его от глаз грабителей.

Пророк внимательно посмотрел на него, и хотя раненый стоял перед ним запачканный, бледный и с окровавленной повязкой на голове, но он заметил, что это был красивый, великолепно сложенный мальчик, приближавшийся к юношескому возрасту. Почувствовав живое участие к нему, пророк смягчил строгую серьезность своего взгляда и ласково спросил, откуда он пришел и что привело его в Танис, так как по лицу спасенного нельзя было вывести заключения о том, к какому народу он принадлежал.

Юноша спокойно мог бы выдать себя за египтянина, но откровенно признался, что он внук Нуна. Ему только что исполнилось семнадцать лет, зовется он Эфраим, как его предок, сын Иосифа, и пришел он повидаться со своим дедом.

Эти слова были произнесены с чувством собственного достоинства и гордостью по поводу своего незаурядного происхождения.

На вопрос, не послан ли он сюда с каким-нибудь поручением, он несколько помедлил с ответом, но скоро оправился, смело посмотрев пророку в лицо, и сказал:

– Кто бы ты ни был, но меня учили всегда говорить правду, – и потому знай, что в Танисе живет еще другой мой друг по крови: Иосия, сын Нуна; он служит в войске фараона в качестве военачальника, и я имею кое-что сообщить ему.

– Знай, – пояснил жрец, – что это тот самый Иосия, из любви к которому я нахожусь здесь и велел моим слугам вытащить тебя из разрушенного дома. Я обязан ему благодарностью, и хотя большая часть твоих соплеменников сделала себя достойною самого тяжелого наказания, ты, ради его превосходных качеств, имеешь право жить свободным и невредимым между нами.

Мальчик гордым и огненным взглядом посмотрел на жреца, но прежде чем мог ответить что-нибудь, тот с ободряющею лаской продолжал:

– По твоим глазам, мальчик, я, кажется, могу заключить, что ты пришел сюда с целью добиться при содействии своего дяди Иосии приема в войско фараона. Твоя фигура делает тебя способным к военной службе, и у тебя, наверное, нет недостатка в смелости.

Улыбка польщенного тщеславия пробежала по губам Эфраима, и, может быть, бессознательно поправляя широкий золотой обруч на верхней части своей руки, он ответил с жаром:

– Что я мужествен – это я довольно часто доказывал на охоте; но дома у нас множество коров и овец, которые теперь составляют уже мою собственность, и быть свободным и повелевать пастухам мне кажется более желательным, чем делать то, что мне прикажут другие.

– Так, так, – кивнул жрец. – Может быть, Иосия научит тебя чему-нибудь другому, лучшему. Повелевать – это заманчивая цель для юности! Жаль только, что мы, которые достигли ее, становимся слугами, обремененными тем тяжелее, чем больше круг повинующихся нам людей. Ты понимаешь меня, Горнехт, а ты, мальчик, поймешь позднее, когда сделаешься тем пальмовым деревом, в которое обещает превратиться со временем дикое деревцо. Но время не терпит. Кто послал тебя к Иосии?

¹⁴ Питом (Пифон) – построенный Рамсесом II город-крепость, целиком состоящий из обширных складов продовольствия и военной амуниции.

Юноша снова нерешительно опустил глаза, но когда пророк прервал молчание вопросом: «Где же правдивость, которой учили тебя?» – он ответил решительно:

– Я предпринял это путешествие по желанию одной женщины, которой ты не знаешь.

– Женщины? – повторил пророк и испытующим взглядом посмотрел в лицо начальника лучников. – Храброму воину и прекрасной женщине, ищущим друг друга, охотно помогает Гатор¹⁵ и связывает их сердца прочными узами; но служителю божества неприлично быть зрителем подобной сцены, и потому я не допытываюсь ничего больше. Позволь, вождь, представить тебе этого мальчика, и помоги ему передать его поручение Иосии; вопрос только в том, вернулся ли он.

– Нет, – ответил воин, – но сегодня ждут в казармах возвращения его тысяч.

– Значит, Гатор, благосклонная к посланцам любви, соединит этих двоих не дальше как завтра, – сказал пророк мальчику; но тот возразил ему с негодованием:

– Никакого любовного приветствия я не несу никому.

Жрец, которого позабавило это резкое возражение, весело сказал:

– Я и забыл, что говорю с молодым князем стад. – Затем он продолжал более серьезным тоном: – Когда ты увидишь Иосию, то передай ему мой привет и скажи, что Бай, второй пророк Аммона, которого он освободил из плена ливийцев, считает уплатившим часть своего долга ему, приняв под свое покровительство тебя, его племянника. Тебе, смелый мальчик, может быть, неизвестно, что ты точно каким-то чудом избежал двойной опасности. Разъяренная толпа не пощадила бы тебя так же, как и удушающая пыль разрушенных домов. Помни это и скажи Иосии от меня, Бая, что я заранее уверен в его решимости отречься от своих соплеменников с отвращением, когда он узнает о бедствии, в которое чародейство одного из ваших ввергнуло дом фараона и вместе с тем этот город и всю страну. Они бежали, как трусы, после того как нанесли тягчайшие раны египтянам, и похитили лучшие вещи у людей, среди которых они жили спокойно, пользуясь их покровительством, получая от них работу и хлеб в изобилии! Вот что случилось, и если я не ошибаюсь в Иосии, то он отвернется от тех, которые совершили такое гнусное дело. Передай ему также, что подобным образом поступили уже, по собственному побуждению, низшие еврейские начальники и наемники, состоящие под начальством сирийца Аарсу. Сегодня утром – Иосия знает это и от других – они принесли жертву не только своему Ваалу¹⁶ и Сету¹⁷, которому охотно служили столь многие из ваших, пока нечестивый чародей Мезу не соблазнил вас, но и отцу Аммону и священному сонму девяти наших вечных богов¹⁸. Если он сделает то же, то мы, идя с ним рука в руку, поднимемся высоко; в этом он может быть уверен, и он заслуживает этого. Другую часть моего долга благодарности к нему, все еще остающуюся за мною, я сумею уплатить другими способами, которые до времени должны оставаться втайне. Но уже и сегодня ты можешь уверить своего дядю, что я сумею защитить его честного отца, старого Нуна, когда наказание богов и царя постигнет других людей вашего народа. Уже отточен – скажи ему это – меч, и готовится беспощадный приговор. Пусть он спросит себя: что могут сделать бегущие пастухи против войска, к способным вождям которого принадлежит и он сам. Твой отец еще жив, сын мой?

– Нет, его унесли на кладбище уже давно, – отвечал Эфраим дрожащим голосом.

¹⁵ Египетская богиня любви, изображаемая со шнурами в руках, связывающими сердца влюбленных.

¹⁶ Ваал (Баал) (*семит.*) – буквально «хозяин», «владыка» – древнее общесемитское божество плодородия, вод, войн, которое представляли живущим и действующим в определенной местности. Почиталось в Финикии, Палестине и Сирии. Затем культ Ваала через финикийцев и карфагенян распространился на запад, в Египет, Испанию и другие страны.

¹⁷ Сет – египетский бог пустыни, оазисов, чужих стран, наделенный чудовищной силой, отсюда – бог бурь и землетрясений, воплощал в себе злое начало.

¹⁸ В египетской мифологии девять изначальных богов: Атум, Шу, Тefнунт, Геб, Нут, Озирис, Изиды, Сет, Нефтида; эти боги считались первыми царями Египта.

Не овладела ли им моровая язва, не охватил ли его молодую душу стыд, что он принадлежит к народу, совершившему столь позорные деяния, или же мальчик был на стороне своих соплеменников и то бледнел, то краснел от гнева и негодования, слыша, как горько поносят их, и его душа была возмущена до того, что он едва мог говорить? Все равно! Он не был подходящим вестником для того, что пророк намеревался сообщить его дяде. Поэтому жрец сделал начальнику лучников знак – следовать за ним под тень сикоморы, широко раскинувшей свои ветви. Было важно удержать во что бы то ни стало Иосию в войске. Поэтому пророк положил руку на плечи Горнехта и сказал:

– Ты знаешь, что тебя и других убедила присоединиться к нам моя жена. Она служит нам лучше и ревностнее, чем многие мужчины; а твоя дочь, насколько она внушает мне удивление своею красотой, настолько же обладает очарованием невинности, привлекающим сердца.

– Ты хочешь, чтобы Казана участвовала в заговоре? – спросил военачальник, вздрогнув.

– Разумеется, не в качестве столь деятельной помощницы, как моя жена, – отвечал жрец.

– Да она и не годится для этого, – произнес Горнехт более спокойным тоном, – потому что она все равно что дитя.

– И все-таки с ее помощью можно привлечь к нашему делу человека, содействие которого мне кажется неоценимым.

– Ты разумеешь Иосию? – спросил Горнехт и снова нахмурился.

Но пророк продолжал:

– Если бы и так? Разве он настоящий еврей? Можешь ли ты считать недостойным дочери уважаемого воина протянуть руку человеку, которого, в случае успеха нашего предприятия, мы поставим главнокомандующим над всеми наемными войсками.

– Нет! – вскричал воин. – Но в число причин, побудивших меня восстать против фараона и обратиться к Сиптаху, входит также и та, что мать первого была чужеземка, а в жилах последнего течет наша кровь. Мать определяет происхождение человека, а матерью Иосии была еврейка. Я называю его моим другом, я умею ценить его достоинства, Казана расположена к нему...

– И все-таки ты желаешь иметь более знатного зятя? – прервал его жрец. – Каким образом может удасться наше предприятие, если отдельным людям, рискующим для него своею жизнью, уже первая жертва кажется слишком великой? Твоя дочь, говоришь ты, расположена к Иосии?

– Была расположена, это верно, – уточнил Горнехт, – ее сердце принадлежало ему, но я сумел принудить дочь к послушанию; неужели теперь, когда она овдовела, я должен отдать ее тому самому человеку, от которого заставил отказаться после тяжелой борьбы. Слыхано ли, возможно ли это в Египте?

– Это будет возможно, – заверил жрец, – когда мужчины и женщины на Ниле будут иметь над собою столько власти, чтобы ради великого дела подчиниться требованиям, несогласным с их желаниями. Обдумай все это и, кроме того, вспомни, что прародительницей Иосии – он хвалился этим в твоём присутствии – была египтянка, дочь одного из людей моего сословия.

– Но сколько поколений сошло с тех пор в могилу!

– Все равно. Это обстоятельство делает его более близким к нам, чем и должны мы удовлетворяться. До свидания сегодня вечером! Окажи покамест гостеприимство племяннику Иосии, и пусть дружески позаботится о нем твоя прекрасная дочь, так как он, по-видимому, очень нуждается в этом.

IV

Как во всем городе, так и в доме начальника лучников Горнехта господствует глубокая печаль. Мужчины остригли волосы, женщины покрыли лоб своей пылью. Жена военачальника умерла уже давно, но его дочь и ее прислужницы встретили его в траурных покрывалах и с громким плачем, потому что у зятя хозяина дома умерли перворожденный сын и внук... И как много было других близко знакомых, где моровая язва потребовала жертвы.

Но скоро женщины целиком отдались заботе о раненом мальчике, и после того, как его выкупали и снова перевязали ему глубокую рану на голове, помазав ее целительной мазью, ему были поданы вино и кушанья. Освеженный и подкрепленный, он пошел на зов дочери своего хозяина.

Запыленный и изнеможенный мальчик превратился в красивого юношу. Умощенные волосы волнистыми кудрями выбивались из-под свежей белой повязки, окружавшей его голову, окаймленная золотым шитьем египетская одежда, оставшаяся после умершего мужа дочери Горнехта, покрывала его упругое смугловатое тело. Он, по-видимому, чувствовал удовольствие, облачившись в это нарядное платье, от которого веяло новым для него запахом нард¹⁹; его черные глаза блестели на прекрасно очерченном лице.

Дочь военачальника давно уже не видела более красивого юноши; сама она тоже обладала весьма привлекательною наружностью. После кратковременного брака с нелюбимым человеком Казана, едва прожив вне родительского дома один год, вернулась туда, так как этот дом нуждался в хозяйке, а большое имущество, оставшееся ей в наследство после смерти мужа, давало ей возможность ввести в простую домашнюю жизнь воина уют и великолепие, сделавшиеся для нее потребностью.

Ее отец, человек строгий и зачастую безмерно вспыльчивый, предоставил ей теперь полную свободу действий. В прежнее время он беспощадно противопоставлял свою волю ее желаниям, заставив ее, пятнадцатилетнюю девушку, выйти замуж за человека гораздо старше ее. Он сделал это, заметив, что Казана полюбила Иосию, а ему казалось позорным иметь зятем своим еврея, который тогда еще не занимал выдающегося положения в войске. Египетская девушка должна была беспрекословно повиноваться отцу, когда он ей выбрал мужа; поэтому покорились и Казана, но при этом она пролиwała такие горячие слезы, что Горнехт был сам не рад, когда она подчинилась его воле и отдала руку нелюбимому супругу.

Однако его дочь, овдовев, продолжала любить еврея. Когда войско было в походе, она не переставала страшиться за него и целые дни и ночи проводила в тягостном беспокойстве. Когда приходили известия о войсках, она спрашивала только об Иосии, и ее склонности к нему глубоко огорченный отец приписывал то обстоятельство, что она отказывала женихам одному за другим. В качестве вдовы она имела право располагать своею рукою, и эта нежная, мягкосердечная молодая женщина изумляла своего отца упрямой решительностью, которую она выказывала не только относительно искателей ее руки, принадлежавших к ее сословию, но и относительно принца Сиптаха, к делу которого примкнул ее отец.

Свою радость по случаю возвращения Иосии Казана высказала сегодня в присутствии отца так открыто и свободно, что этот бешеный человек поспешил уйти из дому, чтобы не допустить себя до каких-нибудь безрассудных поступков и слов. Своего юного гостя он предоставил попечениям дочери и ее кормилицы.

Какое впечатление производил на восприимчивую душу мальчика дом военачальника с его обширными комнатами и открытыми верандами, с яркою цветною окраской, с

¹⁹ Нрд – нардовое благовонное масло, добываемое из корневищ валерианы, произрастающей на склонах Гималаев; высоко ценился в Египте.

художественными украшениями и мебелью, мягкими подушками и сладким благоуханием повсюду! Все это было ново и чуждо сыну владельца стад, привыкшему жить среди голых серых стен большого, но лишнего украшений сельского дома, проводившего досуг во все времена года в шатрах между пастухами и стадами, больше на открытом воздухе, чем под кровлей. Ему казалось, что он каким-то волшебством перенесен в некий высший, особенный мир и что в роскошной одежде, с умашенными волосами и омытым телом он как раз подходит к этому миру. Правда, везде мир был прекрасен, даже и на вольном воздухе – на пастбище среди стад и в вечерней прохладе перед шатром, когда пастухи поют, а охотники рассказывают о своих приключениях, и когда над ним так чудно сияют звезды. Но всему этому предшествовала тяжелая, утомительная работа; здесь же наслаждение было даже в том, чтобы смотреть и дышать. И когда занавеска открылась и молодая вдова заставила его сесть против себя, то задавая ему вопросы, то с участием выслушивая его ответы, ему чудилось, что так же как тогда, среди развалин разрушенного дома, он потерял сознание и видит самый приятный из всех снов; ему казалось, что он задыхается от блаженства, изливаемого на него великою Ашерой²⁰, подругой Ваала. О ней рассказывали ему многие финикийские купцы, снабжавшие пастухов разными хорошими вещами, но дома ему запретила говорить о ней строгая Мариам.

Его соплеменники вселили в его юную душу ненависть к египтянам, угнетателям его народа; но разве могли быть дурными людьми и внушать ему отвращение те, среди которых было такое существо, как эта прекрасная ласковая женщина, с такою кротостью и теплотой смотревшая ему в глаза, при виде которой его кровь волновалась до того, что он не мог успокоиться и прижимал руку к сердцу, чтобы сдержать его порывистое биение?

Казана сидела напротив него на стуле, покрытом барсовой шкурой, занимаясь пряжей тонких шерстяных ниток. Он ей нравился, и она приняла его так ласково потому, что он был родственником человека, которого она любила с детских лет. Ей казалось также, что он имеет сходство с Иосией; но мальчику не доставало серьезности мужчины, которому она, сама не зная, как и когда, отдала свое юное сердце, хотя он никогда не добивался ее любви.

На ее черных, великолепно уложенных волнистых волосах красовался цветок лотоса, стебель которого грациозным изгибом ниспадал на склоненный затылок, окаймленный перепутанной массой красивых локончиков. Когда она поднимала глаза на Эфраима, ему казалось, что открываются два источника, чтобы пролить в его юную грудь потоки блаженства, а прелестной руки ее, занятой пряжею шерсти, он уже коснулся при приветствии и держал в своей.

Теперь она начала расспрашивать его об Иосии и о женщине, приславшей мальчика к нему с поручением: молода ли, красива ли она и не связывает ли ее любовь с его дядей.

Эфраим весело засмеялся: пославшая его женщина была так серьезна и сурова, что мысль о возможности допустить в ней способность к нежным чувствам рассмешила его. А красива ли она – об этом он никогда не задумывался.

Молодая вдова приняла этот смех за ответ, какого в особенности желала; вздохнув, она оставила веретено и пригласила Эфраима идти с нею в сад.

Как там все цвело и благоухало, в каком порядке содержались гряды, дорожки, беседки и пруды! К его простому родительскому дому примыкал пустой двор без всяких украшений, с хлевами для крупного и мелкого рогатого скота, и, однако же, ему было известно, что со временем он будет обладать большим имуществом, так как он был единственным сыном и наследником зажиточного отца, а его мать – дочерью богатого Нуна. Его слуги не

²⁰ Ашера (Асирит, Асирту) – древнесирийская богиня, в западносемитской мифологии – мать богов и людей, владычица всего сущего.

раз говорили ему это, и теперь ему было досадно, что его родной дом был немногим красивее жилища рабов Горнехта, которое показала ему Казана.

Во время прогулки по саду Эфраим должен был помогать ей рвать цветы, и, когда корзина, которую он нес за нею, наполнилась, она пригласила его сесть с нею в беседке, чтобы помочь сплести венки. Они были предназначены для умерших. В прошлую ночь ее дядю и похожего на него милого двоюродного брата унесла моровая язва, которую его соплеменники наслали на Танис.

С прилегавшей к стене сада улицы слышались непрестанные жалобные вопли женщин, оплакивавших какого-нибудь покойника или сопровождавших его к могиле, – и когда эти вопли сделались особенно громки и горестны, она дружески попрекнула Эфраима тем, что все это танитяне потерпели из-за евреев, и спросила его, может ли он отрицать, что египтяне имеют основание ненавидеть людей, которые причинили им такие бедствия.

Ему было трудно найти надлежащий ответ. Он слышал, что египтян карает Бог его народа ради освобождения евреев от позора и рабства, и он не осмеливался отречься с презрением от тех, к которым он принадлежал по крови. Поэтому он молчал, чтобы не солгать или же не согрешить. Но она не отставала от него, и наконец он отвечал, что ему прискорбно все, причиняющее ей горе, но его народ не имеет никакой власти над здоровьем и жизнью, потому что заболевающие евреи довольно часто обращаются к египетским врачам. То, что здесь случилось, совершено великим Богом его отцов, Который своим могуществом превосходит других богов. Он, Эфраим, еврей, но она может ему поверить, что он невиновен в моровой язве и охотно возвратил бы ее дядю и двоюродного брата к жизни, если бы мог. Для нее он готов сделать все, даже самое трудное.

Она ласково улыбнулась ему и сказала:

– Бедный мальчик, если я признаю за тобою какую-нибудь вину, то разве ту, что ты принадлежишь к народу, не знающему никакой пощады, никакого сострадания! Наши милые несчастные покойники принуждены лишиться даже оплакивания своих близких, потому что дом, где они лежат, зачумлен и никто не смеет войти в него!

Она молча осушила свои глаза и затем вновь принялась за плетение венков, но при этом слезы одна за другой текли по ее щекам. Он не знал – что еще сказать, и только подавал ей цветы и листья, и когда при этом касался ее руки, жар пробегал у него по жилам. Его раненая голова начала сильно болеть, и по временам он вздрагивал от легкого озноба. Он чувствовал, что его лихорадит, как тогда, когда он чуть не умер от скарлатины; но ему стыдно было признаться в этом, и он крепился.

Когда солнце склонилось к закату, в сад вошел Горнехт. Он уже виделся с Иосией и хотя искренне радовался благополучному возвращению своего друга, но его все-таки беспокоило и раздражало то, что Иосия прежде всего с участием осведомился о его дочери. Он не скрыл этого от нее, и выражение его глаз свидетельствовало о неудовольствии, которое внушали ему приветствия еврея. Наконец, он обратился к Эфраиму и сообщил ему, что Иосия стоит со своими войсками перед городом. По причине моровой язвы они принуждены расположить свой лагерь вне Таниса, между городом и морем. Они скоро должны будут проходить мимо, и дядя велел передать Эфраиму, чтобы он пришел попозже в его палатку.

Увидев, что юноша помогает его дочери плести венки, он улыбнулся и сказал:

– Сегодня утром этот задорный мальчуган желал всю жизнь оставаться свободным и повелевать, и вот теперь он отдал себя в твоё распоряжение, Казана! Но чего тебе краснеть, мой юный друг! И если твоя госпожа или твой дядя убедят тебя сделаться одним из наших и посвятить себя благороднейшему ремеслу воина, то это послужит к твоему благу. Посмотри на меня: я владею луком более сорока лет, но до сих пор доволен своим призванием. Мне приходится повиноваться, но также и повелевать, и те тысячи, которые слушаются меня,

не овцы или коровы, а храбрые люди. Обдумай это сам с собою еще раз. Из него выйдет превосходный предводитель лучников, как ты думаешь, Казана?

– Конечно, – ответила молодая женщина и хотела сказать еще что-то, но за стеной сада послышался мерный топот приближавшегося военного отряда. Яркая краска разлилась по лицу Казаны, в ее глазах появился блеск, испугавший Эфраима, и, не обращая внимания ни на отца, ни на гостя, она побежала мимо пруда, по аллеям и грядам, вскочила на дерновую скамью, стоявшую вдоль стены, и напряженным взглядом смотрела на улицу и на вооруженный отряд, который вскоре прошел мимо нее.

Иосия шел во главе в полном вооружении. Подходя к саду Горнехта, он бросил свой серьезный взгляд на его жилище и, увидав Казану, опустил боевую секиру, дружески кланяясь.

Эфраим последовал за Горнехтом, который указал ему на дядю со словами:

– И тебе превосходно подошел бы военный наряд; человек идет, точно окрыленный, когда гремит барабан, раздается звук трубы и вокруг развеваются знамена. Сегодня военная музыка молчит по причине страшного бедствия, навлеченного на нас еврейским злодеем. Иосия тоже еврей, и хотя я не могу смотреть на это сквозь пальцы, но все-таки должен признаться, что он настоящий солдат, образец для молодого поколения. Сообщи ему, что я думаю о нем на этот счет. Теперь простись с Казаной и иди за войском, вот там калитка в стене отворена.

Говоря это, он повернул к дому, и Эфраим протянул на прощание руку молодой женщине. Она подала ему свою, но тотчас же отняла ее и сказала озабоченным тоном:

– Как горяча твоя рука! У тебя лихорадка!

– Нет, нет, – пробормотал юноша; но, говоря это, он опустился на колени, и какой-то туман распространился над измученною волнениями дня душою страждущего мальчика. Казана испугалась, но быстро нашлась и освежила ему темя и лоб водой из пруда. При этом она озабоченно посмотрела на его лицо, и теперь более, чем когда-нибудь, он показался ей похожим на Иосию. Да, человек, которого она любила, должен был походить на этого мальчика, когда сам был еще мальчиком. Сердце ее забилося быстрее, и, держа голову Эфраима в руках, она нежно поцеловала ее.

Она считала его лишившимся сознания, но действие освежающей влаги уже прогнало легкий обморок, и он со сладким трепетом почувствовал ее поцелуй. Он не раскрывал глаз и желал бы покоиться всю жизнь, прислонясь головой к ее груди, в надежде, что ее губы еще раз коснутся его. Но, вместо того чтобы поцеловать его снова, она громко позвала на помощь. Тогда он вскочил, диким, пылающим взглядом посмотрел ей в лицо и, прежде чем она успела его остановить, побежал, точно здоровый, к воротам сада, отворил их и последовал за военным отрядом. Он быстро добежал до замыкающих воинский строй отделений, поспешно обогнал много других, и когда наконец очутился возле их начальника, то окликнул своего дядю и назвал свое имя. Обрадованный Иосия простер к нему объятия, но прежде чем Эфраим мог упасть к нему на грудь, он снова лишился чувств, и сильные воины понесли мальчика в шатер, уже поставленный квартирмейстером у моря на песчаном холме.

V

Наступила полночь. Перед шатром Иосии пылал костер, возле которого сидел он один, сумрачно и задумчиво глядя то на пламя, то вдаль. В холщовом шатре лежал молодой Эфраим на походном ложе своего дяди.

Врач, сопровождавший отряд Иосии, перевязал рану юноши, дал подкрепляющего питья и велел лежать спокойно; врача встревожила жестокая лихорадка, овладевшая мальчиком.

Но Эфраим не подчинился предписанию врача. То перед его мысленным взором вставал образ Казаны, причем усиливался жар его и без того чрезмерно разгоряченной крови, то он вспоминал о данном ему совете сделаться воином, подобно дяде, и этот совет казался юноше разумным, потому что, как он хотел уверить себя, обещал ему почет и славу; но на самом деле Эфраим хотел последовать ему потому, что это приблизило бы его к женщине, к которой стремилась его душа. Затем его гордость возмущалась снова, когда он вспоминал о том, как она и ее отец клеймили тех, к кому он принадлежал по крови и симпатиям. Его кулаки сжимались при одном воспоминании о разрушенном доме его деда, которого он всегда считал достойнейшим из людей. Он не забыл также и о данном ему поручении. Оно было повторено ему Мариам много раз, и его цепкая память сохранила его дословно, тем более что во время своего одинокого путешествия в Танис он не устал повторять его про себя. Теперь он тоже попробовал это сделать, но, прежде чем дошел до конца, почувствовал непреодолимое желание – думать о Казане.

Врач посоветовал Иосии не позволять племяннику говорить, и, когда больной хотел передать свое поручение дяде, тот принужден был остановить его. Затем воин заботливо, точно мать, поправил ему подушки, дал лекарства и поцеловал в лоб. Наконец, он сел перед палаткой у костра и вставал только затем, чтобы дать больному лекарство, когда увидел по звездам, что пришло время.

Пламя освещало лицо Иосии, покрытое легким загаром; это было лицо человека, который не один раз смотрел в глаза опасностям и с суровой настойчивостью и умелой рассудительностью преодолевал их. Черные глаза его глядели повелительно, а полные, плотно сжатые губы свидетельствовали о горячей крови, но еще более о железной воле этого гордого человека. Широкоплечий, статный, он сидел, опираясь на несколько копий, крестообразно воткнутых в землю, и когда мускулистой рукой поглаживал свои жесткие черные кудри или темную бороду, причем его глаза вспыхивали гневным огнем, можно было подумать, что в его душе происходит какое-то брожение и что он стоит на пороге какого-то важнейшего решения. Лев еще отдыхает, но пусть берегутся его враги, когда он вскочит на ноги! Воины довольно часто сравнивали своего кудрявого неустрашимого, твердого как железо вождя с царем зверей, и теперь, когда он потрясал кулаком, причем на верхней части его смуглой руки мускулы вздымались, точно желая разорвать окружавший ее золотой обруч, когда в глазах его сверкало горячее пламя, вся его мощная фигура внушала невольный трепет.

Там, на западе, куда Иосия обратил взгляд, лежали некрополь и разрушенный квартал чужеземцев. За несколько часов перед тем он вел свой отряд через развалины, над которыми кружились вороны, и проходил как раз возле разрушенного отчего дома.

Иосия прошел мимо спокойно, как того требовала служба, и только тогда, когда нужно было остановиться и подумать о месте расположения своих тысяч, начальник лучников Горнехт сообщил ему о событиях этой ночи. Он выслушал его молча, не дрогнув ни одним мускулом и не спрашивая о подробностях, пока его войска разбивали шатры; но едва он успокоился, одна еврейская девушка, несмотря на запрещение часовых, ворвалась к нему и от имени своего деда Элиава, старейшего из рабов его дома, стала умолять Иосию идти

с нею к старику. Тот был оставлен ушедшими евреями, так как из-за болезни и дряхлости не мог отправиться в путь, тотчас после исхода его и жену посадили на осла и перевезли в домик близ гавани, подаренный верному слуге Нуном.

Внучку оставили при дряхлой чете в качестве попечительницы, и теперь сердце старого слуги томилось желанием видеть первенца его господина, Иосию, которого он когда-то носил на руках. Старик поручил девушке сказать военачальнику, что его отец обещал евреям, что Иосия оставит египтян и последует за своими. Племя Эфраимово и весь народ с восторгом приняли это известие. Дед расскажет ему все подробности, так как сама она почти помешалась от горя и слез. Воин заслужит великую благодарность, если пойдет с нею.

Иосия решил, что он должен исполнить просьбу девушки, однако был принужден отложить посещение старика до завтра. И все-таки посланница успела рассказать ему некоторые подробности, которые видела сама или о которых слышала от других.

Наконец она ушла. Иосия подложил сучьев в костер и, пока огонь ярко горел, мрачным и задумчивым взглядом смотрел на запад. Только тогда, когда пламя истощилось и от него остался тусклый, бледный огонек, игравший на обуглившихся головнях, он стал смотреть на этот огонек и на вылетающие порою искры. И чем больше он смотрел, тем глубже и непреодолимее казался ему разлад в его душе, еще вчера устремленной нераздельно к одной великой цели.

Война с взбунтовавшимися ливийцами полтора года удерживала его вдали от родины, и в течение целых десяти месяцев он не имел никаких известий о своих близких. Несколько недель назад он получил приказание вернуться в отечество, и когда сегодня приближался к городу Рамсеса, Танису, богатому обелисками, его сердце билось так радостно и было так полно надежды, как будто он, зрелый мужчина, снова превратился в юношу.

Через несколько часов ему предстояло снова увидеть своего достойного, дорогого отца, который весьма неохотно и только по убеждению матери, скончавшейся уже давно, позволил ему последовать своей склонности и посвятить себя военному поприщу в войске фараона. Иосия надеялся порадовать его сегодня известием, что он поставлен выше многих начальников из египтян, гораздо старших по возрасту, чем он. Пренебрежение в отношении его, которого так опасался Нун, ввиду личных достоинств, способностей и, как скромно прибавлял Иосия, счастья, превратилось в предпочтение, хотя он все-таки остался евреем. Когда при жертвоприношениях и молитвах Иосия был вынужден исповедовать какого-нибудь бога, он молился тому самому Сету, в храм которого водил его, когда он был ребенком, сам отец и которому тогда молились в Гозене все, принадлежащие к семитской крови. Для него самого существовал еще другой Бог, и это не был Бог его отцов, а тот Бог, которого признавали все египтяне, получившие посвящение. Он был тайною для народа, который не мог Его понять; но Его знали не только адепты, но и большинство лиц, и жрецов, и непосвященных, достигших высокого положения на государственной или на военной службе, в том числе и Иосия, чужеземец и профан²¹. Каждому было известно, что разумеется под словами: «Бог», «Сумма всего», «Творец себя самого», «Великий Единый». Он прославлялся в священных гимнах; надгробные надписи говорили о нем, едином Боге, Который открывает себя в мире, проникает Все и равен Всею. Он не только наполняет мироздание как жизненная сила, человеческий организм, но сам есть сумма всего созданного, всемирное Все, с его вечным возникновением, дуновением и возрождением, следующее законам, которые оно предписало себе самому. Существо этого Бога живет в человеческой плоти так же, как и в каждой части Всего, и куда бы ни взглянул смертный, он везде может заметить господство этого «Единого». Вне его немыслимо ничто, и, следовательно, этот Бог един, как и Бог отцов Иосии. Без него ничто не возникает и не происходит на Земле, следовательно, он всемогущ так же, как и Бог

²¹ Здесь в первоначальном значении – непосвященный или лишенный посвящения по каким-то причинам.

Израилев. Иосия издавна считал их обоих равными по существу и различными только по имени. Кто поклоняется одному, тот служит и другому, и потому Иосия мог бы спокойно явиться перед отцом и сказать, что он, будучи воином и служа царю, остался верным Богу своего народа.

Но было также и нечто другое, что заставляло сердце Иосии биться быстрее и радостнее, когда он увидел высокие пилоны и обелиски Таниса. Во время бесчисленных переходов по пустыне и в одиноких шатрах перед его мысленным взором возникал образ девушки из израильского народа, которую он знал сперва как своеобразного, волнуемого странными мыслями ребенка, а затем, незадолго перед своим последним походом в Ливию, встретил снова уже взрослой девушкой строгой красоты и исполненной необыкновенного достоинства. Она прибыла для погребения своей матери из Суккота в Танис, и там ее образ глубоко запечатлелся в его сердце. Иосия имел основание надеяться, что и он, со своей стороны, произвел на нее такое же впечатление. Она сделалась пророчицей и слышала голос своего Бога. Между тем как других девушек его народа держали в строгом затворничестве, она свободно вращалась даже в обществе мужчин и, несмотря на свою ненависть к египтянам и на службу Иосии в их войсках, не скрывала того, что ей прискорбно расставаться с ним и что она не перестанет вспоминать о нем. Его будущая жена должна быть тверда и серьезна, как и он сам, и Мариам обладала этими качествами и заслоняла собою другой сияющий образ, о котором некогда он думал с глубокой сердечной радостью. Он любил детей и никогда, ни в Египте, ни на чужбине, не встречал ребенка очаровательнее Казаны. Участие, с каким прелестная дочь его товарища по оружию следила за его судьбою, скромное добросердечное расположение, какое она оказывала ему впоследствии, будучи уже молодой вдовой, окруженной множеством соискателей ее руки, которых она умела отстранять от себя довольно сурово, – все это составляло его радость во времена мира. Когда она росла, он смотрел на нее, как на свою будущую жену; но ее брак с другим и неоднократное уверение ее отца, что никогда он не выдаст свою дочь замуж за чужеземца, задела его гордость и отрезвили его. Затем он встретился с Мариам, и его сердце наполнилось горячим желанием обладать ею. Тем не менее ему была приятна мысль, что, возвратясь домой, он увидит Казану. Было хорошо и то, что он не желал уже иметь ее своею женой, иначе он испытал бы только горькое разочарование, потому что как евреи, так и египтяне считали чем-то недостойным заключать между собою брачные союзы, быть вместе, пользоваться одним и тем же стулом или ножом. Хотя в кругу своих товарищей по оружию Иосия считался своим, хотя и отец молодой вдовы часто вспоминал о нем с любовью, но все-таки «чужеземцы» были чем-то ненавистным для Горнехта и для всех свободных египтян.

В Мариам он видел благороднейшую спутницу жизни. Пусть Казана осчастливит кого-нибудь другого! Во всяком случае, она могла остаться для него прелестным ребенком, от которого не требуется ничего, кроме радости любоваться им.

Иосия явился, чтобы в качестве друга, готового на любые услуги, ждать от нее веселого взгляда, а от Мариам – ее самой во всем ее величии и красоте. Он достаточно долго переносил одиночество лагерной жизни; с тех пор как при возвращении его домой перед ним не раскрывались более материнские объятия, он в первый раз почувствовал вполне всю тяжесть своего безбрачного существования. Снимая оружие после опасностей и лишений всякого рода, он снова желал насладиться миром; его обязанностью было – ввести под кровлю своего отца хозяйку дома и позаботиться о том, чтобы благородное дерево, которого он был последним отпрыском, не засохло, так как Эфраим был только сыном его сестры.

С этими веселыми, радующими сердце мыслями Иосия приближался к Танису и теперь был у цели. И вот то, на что он надеялся, чего желал, лежало теперь перед ним, как нива зреющей пшеницы, побитой градом или пожранной саранчой.

Судьба, точно в насмешку, привела его прежде всего к еврейскому кварталу. Там, где некогда стоял родительский дом, в котором Иосия вырос и к которому стремилось его сердце, теперь находились пыльные развалины; там, где его кровные смотрели на него с гордостью, он нашел нищих, которые рылись в мусоре, ища скудной поживы.

Первым, кто протянул Иосии руку в Танисе, был отец Казаны. После дружеского приветствия он получил от Горнехта известия, поразившие его в самое сердце. Он намеревался привести в свой дом жену, но тот дом, где она должна была распоряжаться в качестве госпожи, был разрушен до основания. Отец, чьего благословения он желал и которому его высокое положение должно было принести радость, ушел на чужбину и сделался врагом царя, которому он, Иосия, был обязан своим возвышением.

Иосия гордился тем, что, несмотря на свое происхождение, достиг власти и почестей, и тем, что он в состоянии был сделать в будущем в качестве вождя многих тысяч воинов. У него не было недостатка в планах, которые всегда имели успех, когда бывали приняты его начальниками; теперь он мог осуществлять свои планы самостоятельно и из орудия сделаться руководящей силой.

Это пробуждало у Иосии приятный подъем духа и окрыляло его при возвращении; и вот теперь, когда он достиг так долго желанной цели, он должен был повернуть назад и присоединиться к пастухам и работникам, к которым он – каким тяжким бедствием казалось ему это в настоящий час! – принадлежал по своему рождению и происхождению и которым он, бесспорно, сделался так же чужд, как он был чужд ливийцам, своим недавним противникам. В большинстве вещей, имеющих цену для человека, он не имел уже ничего общего с ними. Он воображал, что на вопрос отца, евреем ли он возвращается на родину, он мог бы ответить утвердительно; но теперь чувствовал, что он остается евреем против воли, и притом менее чем наполовину.

Иосия всей душой привязался к знаменам, под которыми он выступил в поход и под которыми теперь он сам мог бы вести к победам. Возможно ли было теперь расстаться с ними и отказаться от всего, что он приобрел своими заслугами? И, однако же, от внучки старого раба Элиава он слышал, что его соплеменники ждут оставления им службы и присоединения к ним. Скоро должно было прийти к нему письмо отца, а у евреев сын не имел никакого права возражать против приказаний родителя.

Но и другому лицу Иосия был обязан строгим повиновением – непосредственно фараону. Он принес торжественную присягу царю: верно служить ему и спешить на его призыв без промедления и колебания, сквозь огонь и воду, и днем, и ночью.

Как часто он называл бездельниками и подлецами воинов, перебежавших к неприятелю или не выполнявших приказов начальников; по приказанию командующего на его глазах несколько дезертиров умерли позорной смертью на виселице. Неужели же теперь ему самому приходилось сделать то же, за что он презирал и лишал жизни других? Иосия в войске был известен своей быстрой реакцией и умением тотчас найти самое подходящее решение и немедленно выполнить его; но в этот ночной час одиночества он казался себе самому колеблющейся тростинкой, чувствовал себя беспомощным, точно сирота, брошенный всеми. Им овладела злость на самого себя, и если теперь он ткнул копьем в костер с такой силой, что головни, треща, обрушились и посыпавшиеся искры ярко вспыхнули в ночной тьме, то при этом его рукою управлял гнев против своих собственных сомнений.

Если бы случившееся налагало на Иосию обязанность мщения, то он скоро бы покончил со своею нерешительностью, призыв отца стал бы для него обязательным. Но кто здесь претерпел больше несправедливостей? Конечно, египтяне, у которых проклятие похитило тысячи дорогих жизней, между тем как его соплеменники спаслись от возмездия бегством. То обстоятельство, что египтяне уничтожили дома евреев, воспламенило его гнев, но он не

видел никакого основания прибегать к кровавому мщению за это, вспомнив, какие невыразимые страдания обрушились через евреев на фараона и на его подданных.

Нет, Иосии не за что было мстить, и он чувствовал себя в положении человека, который видит отца и мать в смертельной опасности и не может помочь обоим, так как, жертвуя своей жизнью для спасения одной, он будет принужден допустить гибель другого. Если он последует призыву своих соплеменников, то утратит честь, которую сохранял такой же чистой, как медь своего шлема, и вместе с нею высшее, чего он ожидал от жизни; если он останется верным фараону и своей присяге, то изменит своей собственной крови, проклятие отца омрачит свет его дней, и он будет вынужден отказаться от самого прекрасного, на что надеялся в будущем; Мариам – истинное дитя его народа, и благо ему, если ее великая душа умеет так же горячо любить, как умеет горько ненавидеть.

Между тем как он, сидя у угасавшего костра, всматривался в ночную тьму, мысленному взору его представлялся образ великий и прекрасный, но с мрачным взглядом и строгим предостерегающим жестом. И его мужественная гордость возмутилась: ему казалось позорным из страха перед гневом и порицанием женщины пренебречь всем, что дорого воину.

«Нет, нет!» – говорил он себе, и чаша весов, на которой лежали долг, любовь и послушание сына вместе с обязанностью, налагаемой кровью, высоко поднялась. Он был тем, чем был, начальником десятитысячного отряда в войске фараона. Он присягал в верности ему, а не кому другому. Пусть его соплеменники бегут от ига египтян, он, Иосия, ненавидит бегство. Их тяжело угнетало рабство, к нему же самые могущественные лица Египта относились как к равному, они считали его достойным высоких почестей. Отплатить им изменой и переходом в чужой лагерь – это противоречило его характеру. Глубоко вздохнув, он встал, и ему казалось, что он остановился на правильном решении дилеммы. Женщина и малодушное томление сердца, наполненного любовью, не должны отвращать его от серьезных обязанностей и высоких целей существования.

«Я остаюсь! – вскричал громкий голос в его груди. – Отец благоразумен и добр, и когда он ознакомится с моими взглядами, то одобрит их; он благословит меня, вместо того чтобы проклясть. Я напишу к нему, и моим посланцем будет мальчик, присланный ко мне Мариам».

Долетевший из шатра зов прервал размышления Иосии, вздрогнув, он посмотрел на звезды и, увидев, что забыл свои обязанности по отношению к больному, поспешил к его постели.

Эфраим, поднявшись на своем ложе, сказал:

– Я давно уже с нетерпением ожидаю тебя. В моих мыслях скопилось так много всего, и прежде всего поручение Мариам. Я успокоюсь только тогда, когда исполню его, выслушай же меня.

Иосия кивнул, и юноша, приняв лекарство, поданное ему дядей, начал:

– «Мариам, дочь Амрама и Иохаведы, приветствует сына Нуна. Ты называешься Иосией – «помощью», и Господь Бог наш избрал тебя помощником своего народа. Но, по его повелению, ты отныне должен называться Иисусом, то есть человеком, которому помогает Иегова²². Через Мариам, свою служительницу, Бог ее отцов, а также и твоих, повелевает тебе стать мечом и щитом твоего народа. Все могущество находится в Его обладании, и Он обещает укрепить твою руку для уничтожения врагов».

Эфраим начал тихо, но сила его голоса постепенно росла, и последние слова прозвучали громко и торжественно в тишине ночи.

Так произнесла их перед ним Мариам, причем положила руки на его голову и глубокими черными как ночь глазами серьезно смотрела ему в лицо. И когда Эфраим повторял эти слова, ему казалось, что какая-то таинственная сила заставляет его произнести их перед

²² Losua – собственно Iohoshua, Иешуа – «тот, кому помогает Иегова».

Иосией точно таким тоном, как он слышал их из уст пророчицы. Затем он вздохнул с облегчением, повернулся к холщовой стене палатки и сказал:

– Теперь я засну.

Но Иосия положил ему свою правую руку на плечо и приказал повелительно:

– Повтори!

Мальчик повиновался; но на этот раз он произносил слова тихо и бессознательно, затем попросил:

– Дай же мне поспать.

Он подложил руку под щеку и закрыл глаза.

Иосия не возражал. Он заботливо обложил его горячую голову влажной повязкой, потушил светильник и подбросил поленьев в потухавший костер; но все это он, бодрый и сильный волей человек, делал точно во сне. Наконец он сел, подпер локоть коленом, опустил голову на руку и стал смотреть то на огонь, то в пространство.

Кто этот Бог, Который посредством Мариам призывает его быть при Его помощи мечом и щитом его народа.

Иосии хотят изменить имя, а имя для египтянина значит весь человек: честь имени фараона, а не честь фараона, вот как говорят и пишут в Египте, и если теперь ему следует называться Иисусом, то вместе с этим ему предъявляется требование сбросить с себя прежнее обличье и сделаться совершенно иным человеком.

То, что Мариам возвещает ему, как волю Бога его отцов, заключает в себе приказание – из египтянина, каким его сделала жизнь, снова превратиться в еврея, каким он был в первые годы своего детства. Ему предстоит научиться поступать и чувствовать как еврею.

Итак, послание Мариам призывает его, Иосию, обратно к своим. То, чего ожидал его отец, теперь повелевает через нее Бог его народа. Вместо своих тысяч воинов, которых приходится оставить, ему предстоит предводительствовать людьми своего племени, когда дело дойдет до битвы. Таков смысл ее приказания, и если эта возвышенная девушка-пророчица, обращая к нему слово, возвещает при этом, что сам Бог говорит ее устами, то это вовсе не пустое хвастовство, а она в самом деле исполняет повеление Всевышнего. И вот образ этой женщины, на обладание которой он посягал, поднялся перед ним до недостижимой высоты. Многое, что он в детстве слышал о Боге Авраама и о его обещаниях, возродилось в его уме, и чаша весов, которая прежде перевешивала другую, стала подниматься все выше и выше. То, что недавно созрело как окончательное решение, оказалось неустойчивым, и он опять увидел себя лицом к лицу с тем глубоким, страшным разладом, который сам только что счел преодоленным...

Каким могуществом и какою силою звучал услышанный им призыв! Звон в ушах нарушал спокойствие и ясность его ума, и, вместо хладнокровного обдумывания вопроса, в его душе пробудились воспоминания о временах детства, которые он давно уже считал похороненными навсегда: в его мозгу пробежали и сталкивались голоса и бессвязные проблески разных мыслей.

По временам Иосия порывался обратиться с молитвой к призывавшему его Богу, но едва вознамерился он сосредоточиться и вознести к Нему сердце и взгляд, как невольно вспоминал о присяге, которую предстояло нарушить, о своих войсках, которые приходилось покинуть, чтобы вместо этих хорошо обученных, мужественных и дисциплинированных воинов предводительствовать жалким сбродом, привыкшими к тяжкому гнету трусливыми работниками и толпами своенравных, грубых пастухов.

Наступил третий час пополуночи, часовые были сменены, и он собрался теперь отдохнуть несколько часов. Все это он решил обдумать еще раз при дневном свете, со свойственною ему в другое время спокойной ясностью, которой он теперь никаким образом не мог достигнуть. Но когда он вошел в свой шатер и услышал дыхание Эфраима, ему показа-

лось, что он вновь слышит торжественные слова пророчицы, переданные мальчиком. Иосия вздрогнул и только начал повторять их про себя, как внезапно послышался какой-то шум, и оживленный спор часовых нарушил спокойствие ночи.

Он обрадовался этому случаю и быстрыми шагами подошел к часовым.

VI

Хогла, внучка старого раба, опять пришла умолять Иосию идти с нею к деду, который вдруг занемог, почувствовал приближение смерти и не желал умереть, не повидав и не благословив его.

Воин велел ей подождать и, убедясь, что Эфраим спокойно спит, поручил надежному человеку оберегать его сон, затем последовал за Хоглой.

Она шла впереди с маленьким фонарем; при свете его, падавшем на фигуру и лицо девушки, Иосия заметил, что она некрасива и что тяжкая подневольная работа преждевременно сгорбила ее спину. В голосе Хоглы слышался хриплый звук, свойственный женщинам, силы которых эксплуатируются без всякой пощады; но то, что она говорила, было исполнено любви и добрых чувств, и Иосия забыл об ее наружности, когда она призналась, что имела жениха между вышедшими из Таниса евреями и что, несмотря на это, она осталась при деде и бабке: она не решилась оставить стариков на произвол судьбы. Так как она некрасива, то ее никто не брал в жены, пока не явился Ассер. Он не посмотрел на ее наружность, потому что он так же трудолюбив, как и она, и полагал, что она будет держать в порядке его хозяйство. Он охотно остался бы с нею, но отец приказал ему отправиться вместе с ним, и они должны были повиноваться и разлучиться друг с другом, наверное, навсегда. Безыскусно и просто звучали эти слова, но они брали за сердце Иосию, который намеревался вопреки воле своего отца идти своею собственной дорогой.

Когда они подошли к гавани, и Иосия увидел дамбы и большие укрепленные запасные магазины, выстроенные людьми его племени, ему вспомнились оборванные толпы работников, которых он часто видал пресмыкающимися перед египетскими надсмотрщиками, а иногда вступающими в жестокие драки друг с другом. Он слышал также, что они не гнушались никакой ложью, никаким обманом, чтобы уклониться от работы, и как трудно было принудить их к послушанию и исполнению своих обязанностей.

Перед его мысленным взором явственно восставали отвратительнейшие фигуры из числа этих несчастных, и возможность сделаться вождем этой испорченной толпы представлялась ему позором, перед которым отступил бы самый последний из подчиненных ему начальников над какими-нибудь пятью десятками. Правда, между наемными солдатами войска фараона было много евреев, отличившихся храбростью и стойкостью, но это были сыновья владельцев стад или бывшие пастухи. Но чернорабочие, глиняные мазанки которых можно было разрушить толчком ноги, составляли большинство тех, к которым ему предстояло вернуться.

Решив остаться верным присяге, призывавшей его к знаменам египетского войска, хотя встревоженный в сокровенной глубине своего сердца, вошел Иосия в домик раба, и его дурное расположение духа усилилось, когда он увидел, что старик сидит здоровый и собственною рукою вливает воду в стоящее перед ним вино. Значит, его с помощью обмана отвлекли от постели больного племянника и помешали освежиться ночным сном из-за прихоти раба, который даже и в его глазах не являлся полноценным человеком. Теперь ему самому довелось увидеть образчик того хитрого своекорыстия, в котором египтяне упрекали его соплеменников и которое вовсе не располагало и его в их пользу. Но гнев этого пронизательного и правдивого человека скоро улегся из-за непритворной радости девушки по случаю быстрого выздоровления деда. Иосия узнал также от престарелой жены старика, что тотчас по уходе внучки она вспомнила об имеющемся у них вине, и после первого же стакана Элиаву, которого она считала уже стоящим одной ногой в могиле, сделалось лучше и он стал поправляться все скорее. Теперь он примешивает к этому божьему дару воду, чтобы время от времени подкреплять себя глотком...

Тут вмешался в разговор старик и сказал, что этим вином, а также и многим другим, гораздо более значительным, они обязаны доброте отца Иосии, Нуна. Кроме домика, вина и муки, он подарил им дойную корову и, наконец, осла, чтобы старик мог по временам прогуливаться на свежем воздухе. Мало того, Нун оставил им внушку и несколько серебряных монет. Таким образом, они могут беззаботно ожидать кончины, тем более что за домом у них есть еще кусочек земли, которую Хогла думает засеять редькой, луком и чесноком. Но самое лучшее – это письменная отпускная, освобождающая девушку от рабства навсегда. Да, Нун настоящий господин и отец своих слуг, и к его дарам присоединилось уже благословение Всевышнего, так как поскольку после исхода народа он и его жена с помощью Ассера, жениха Хоглы, перевезены сюда беспрепятственно...

– Мы старики, – прибавила жена Элиава, – и умрем здесь. А Хогле Ассер обещал, что возьмет ее к себе, когда она выполнит до конца свою обязанность по отношению к деду и бабке. – Затем она обратилась к девушке ободряющим тоном: – С нами ведь это не так долго будет длиться.

При этих словах Хогла приложила свое синее покрывало к глазам и произнесла:

– Пусть это продлится как можно дольше: я молода и могу подождать.

Иосия услышал эти слова и ему показалось, будто бедная, некрасивая, обездоленная девушка дает ему урок смирения.

Он предоставил вольноотпущенной спокойно говорить; но времени у него было немного, и потому он спросил, не было ли какого-нибудь определенного дела, по которому Элиав призвал его к себе.

– Я должен был это сделать, – ответил тот, – не только для того, чтобы успокоить томление своего старого сердца, но и с тем, чтобы исполнить приказание моего господина. Велико и прекрасно твое мужество, и ты сделался надеждою Израиля. Твой отец обещал рабам и свободным людям своего дома, что ты будешь их господином и вождем, когда он сойдет в могилу. Его речь была исполнена похвал тебе, и велика была наша радость, когда он объявил нам, что ты последуешь за ушедшими. После этого мой господин удостоил меня приказания: в случае, если ты возвратишься прежде, чем дойдут до тебя его посланцы, сообщить тебе, что Нун, твой отец, ожидает сына. Куда бы ни направился твой народ, ты обязан следовать за ним. Он направляется к востоку, но сперва пошел больше к югу и остановится для отдыха у Суккота. В дупле сикоморы, стоящей у дома Аминадава, Нун намерен спрятать письмо, из которого ты узнаешь, куда твой народ направил свой путь оттуда. Благословение его и Бога нашего да сопровождает каждый твой шаг!

При последних словах старика Иосия поник головой, точно какие-то невидимые руки опустили на нее. Затем он поблагодарил Элиава и глухим голосом спросил, все ли охотно повиновались приказанию оставить свои дома.

Старуха всплеснула руками и вскрикнула:

– О нет, господин, конечно, нет! Какой плач, какой вой поднялся при выступлении! Некоторые желали идти, другие хотели ускользнуть и искали какой-нибудь уголок, где бы спрятаться. Но все было напрасно. В доме нашего соседа Дегуэля – ты знаешь его – молодая жена родила мальчика, первенца. Каково было путешествовать этой несчастной! Ах, как она горько плакала, а муж ее так яростно ругался, но ничто не помогло! Ее вместе с грудным ребенком уложили в телегу... Но потом на нее и ее мужа нашло это, как и на других, даже на Пинехаса, который со своею женой и пятью детьми забрался на голубятню. А старая Кузайя-могильщица тоже – ты помнишь ее? – она потеряла отца, мать, мужа и трех взрослых молодцов-сыновей, все, что послал ей Господь дорогого на земле, и на нашем кладбище они лежат вместе, один возле другого. Но она каждое утро и каждый вечер ходила к месту их успокоения, и когда она сидела там на обрубке дерева, который притащила к поставленному на могиле камню, то ее губы постоянно шевелились. Они шептали не только молитвы, –

нет, я довольно часто подслушивала, и, когда она не замечала меня, она говорила с умершими, точно они слышали ее в могиле и могли ей отвечать, как живущие под солнцем. Ей скоро исполнится семьдесят лет, и уже более двадцати лет ее зовут могильщицей Кузайей. Конечно, такое поведение безумно с ее стороны, и именно по причине его ей было вдвое тяжелее расставаться со своими покойниками и она не желала уходить и спряталась в кусты. Но ее вытащили оттуда. Больно было слышать ее стенания... Однако же, когда дело дошло уже до отправления в путь, то и ею овладело это, и она сопротивлялась так же мало, как и другие.

– Что же овладело этой несчастной и другими? – прервал Иосия речь старухи, и снова в своих мыслях он увидел во всем ничтожестве народ, который ему предлагали, нет, который он должен был вести, так как он не знал ничего выше благословения отца.

Старуха вздрогнула и, боясь, что она рассердила первенца своего господина, великого и знатного воина, ответила, запинаясь:

– Что овладело ею, господин? Да... это... я не более как бедная, простая раба, но если бы ты позволил...

– Что, что? – снова прервал ее резко и нетерпеливо Иосия, который впервые принуждал себя поступить против своей склонности и своего убеждения.

Старик поспешил на помощь своей испуганной жене и робко сказал:

– Ах, господин, этого не могут изобразить никакие уста, не может понять никакой человеческий разум. Это пришло от Господа Бога, и если бы я смел рассказать, как это сильно действовало на души народа...

– Расскажи, – прервал его Иосия, – но у меня мало времени. Значит, их принудили к выселению, и они против своей воли взяли в руки страннический посох. Что они с некоторого времени следуют за Моисеем и Аароном, как стадо за пастухом, это известно даже египтянам. Те, которые наслали здесь моровую язву на многих невинных, не совершили ли чуда, помрачившего рассудок твой и твоей жены?

Элиав протянул к воину руки, как бы для ограждения себя от его гнева, и сказал тоном униженной просьбы:

– О господин, ты первенец моего повелителя, один из самых важных и знатных людей и можешь раздавить меня, как жука в песке, и все-таки я возвещаю голосом и взываю к тебе: ты получил неверные известия! Ты воевал целый год на чужбине, и в это время произошло нечто великое для всех нас. Во время выступления евреев ты был далеко от Цоана²³, я слышал это. У каждого сына нашего народа, который только присутствовал при этом, скорее отсох бы язык, чем он позволил бы себе шутить над великою минутой, которую Господь даровал ему пережить. О, если бы только ты имел терпение и позволил мне рассказать тебе...

– Так рассказывай же! – крикнул Иосия, изумленный торжественным воодушевлением старца. Элиав поблагодарил его взглядом и воскликнул:

– Ах, если бы здесь были Аарон или Элеазар, или мой господин, твой отец, или если бы Всевышний благоволил одарить меня их красноречием! Но теперь... Правда, мне кажется, что я еще вижу и слышу, как происходит это, но как я могу описать? Как можно изобразить подобные вещи скудными словами? Но, с Божьею помощью, попытаюсь!

Элиав остановился, и Иосия заметил, что его руки и губы дрожат. Он сам подал ему стакан, и старик с благодарностью осушил его до дна. Затем он начал свой рассказ, с полуперекрестными глазами, и его морщинистые черты напрягались все резче и резче, по мере того как он продолжал.

– Как шло дело после того, как сделалось известным – чего требуют от народа, – это тебе рассказала уже моя жена. К числу малодушных и ропщущих принадлежали и мы.

²³ Еврейское название Таниса.

Но вчера вечером все мы, принадлежащие к дому Нуна, даже пастухи, рабы и бедняки, были приглашены на пир. Там было вдоволь жареных ягнят, свежего пресного хлеба и вина, больше, чем бывает обыкновенно на празднике жатвы, который начался в ту ночь и на котором ты присутствовал несколько раз, будучи мальчиком. Там сидели мы и веселились; твой отец, наш господин, поощрял нас и рассказывал нам о Боге наших отцов и о Его великих благодеяниях, которые Он оказал им. «Теперь, – говорил он, – Бог повелевает нам выйти из этой страны, где мы претерпели презрение и рабство. Это вовсе не та жертва, ради которой Авраам отточил свой нож, чтобы, по повелению Всевышнего, пролить кровь своего сына Исаака, хотя многим будет тяжело расстаться со своим милым домашним кровом и со старыми привычками. Напротив, это великое счастье для всех нас, потому что – мы идем не к неизвестному, а к прекрасной цели, которую указал нам сам Бог. Вместо этой земли рабства Господь обещал нам новое, прекрасное отечество, где мы, свободные люди, найдем на плодородных нивах и богатых пастбищах все, что питает человека и его семью и радует сердца. Как для того, чтобы заслужить хорошую плату, нужно работать без усталы, так и нам придется переносить некоторое время лишения и заботы, чтобы приобрести для себя и для своих детей новое, прекрасное отечество, обетованное нам Господом. Оно будет страной Бога, так как оно есть собственный дар Всевышнего». Так говорил твой отец и благословил всех нас, и обещал, что и ты тоже отряхнешь прах от ног твоих и присоедилишься к нам, чтобы своею сильной рукою сражаться за нас, как опытный военачальник и послушный сын. Тогда раздались громкие клики ликования, и когда мы собрались затем на рыночной площади и увидели, что и рабочим удалось уйти от надсмотрщиков, то многие воспрянули духом. Затем среди нас, взбравшись на скамью глашатая публичных торгов, стал Аарон, и мы из его уст услышали повторение того, что говорил нам Нун, мой господин, на пире. Слова Аарона раздавались то подобно грохоту грома, то как приятные звуки лютни, и каждый чувствовал, что сам Господь Бог говорит его устами, потому что эта речь глубоко проникала в душу даже недовольных, так что и они несколько не роптали и не жаловались. Когда же он в заключение заявил собравшимся тысячам народа, что не какой-нибудь заблуждающийся человек, а сам Бог будет нашим вождем, когда он описал великолепие обетованной страны, врата которой Всевышний отворил для нас, и где мы, избавленные от всякого рабства, будем господствовать как свободные и счастливые люди, не обязанные послушанием никому, кроме Бога наших отцов и тех, которых мы сами выберем для себя вождями, то казалось, что все люди до одного точно опьянели от сладкого вина и собираются не в безвестный трудный путь по пустыне, а на великий пир, для которого сам Всевышний накрыл стол. Даже те, которые не слышали ни одного слова из речи Аарона, были увлечены; и мужчины, и женщины прыгали и кричали на этом празднике жатвы веселее и громче, чем когда-нибудь, и все сердца были переполнены благодарностью. Это чувство охватило даже стариков! Столетний Элисам, отец твоего отца, который, как тебе известно, всегда безмолвно и согнувшись сидит на своем месте, встал и со сверкающими глазами сказал несколько горячих слов. Дух Господень сошел на твоего деда, а также и на всех нас. Я чувствовал себя точно помолодевшим и телом, и душою. Подойдя к толпам, приготовившимся к путешествию, я увидел Элизебу, родильницу, в ее носилках. Она смотрела точно в день свадьбы и прижимала своего ребенка к груди, прославляя его судьбу, потому что он вырастет свободным в обетованной земле. А ее муж, Дегуэль, ругавшийся громче всех, теперь размахивал палкой, целовал жену и ребенка с ясными радостными слезами в глазах и громко и весело вскрикивал, как виноградарь при сборе винограда, когда мехи и кувшины оказываются для вина слишком малы. Старая Кузайя-могильщица, которую оторвали от могилы ее сродников, сидела вместе с другими слабосильными на возу, махала своим покрывалом и присоединилась к хвалебному гимну, который начали петь Элкана и Авиасаф, сыновья Кораха. Так они отправились в путь; мы же, оставшиеся, кинулись обнимать друг друга и не знали, отчего слезы льются

из наших глаз: от горести или же от искренней радости, что мы видим эти тысячи людей, которых мы любили, столь счастливыми и полными радостной надежды.

Вот что произошло, и мы отправились только тогда, когда исчезли из наших глаз смоляные факелы, двигавшиеся впереди шествия. Эти факелы, как мне казалось, светили ярче, чем большие огни, зажигаемые здесь, у ворот храма богини Нейт. Мы должны были спешить, чтобы не долго задерживать Ассера, и, идя темной ночью по улицам, оглашаемым жалобными воплями жителей, мы пели хвалебную песнь сынов Кораха, и на нас снизошло великое и радостное успокоение. Мы теперь знали, что Господь, наш Бог, защищает и ведет свой народ.

Старик замолчал, но жена и внучка, слушавшие его с сияющими глазами, крепко прижались друг к другу и по собственному побуждению запели хвалебный гимн сынов Кораха. Слабый, негромкий голос старухи, полный трогательной задушевности, слился с хриплым, но облагороженным силою великого одухотворения пением девушки.

Иосия чувствовал, что было бы преступлением препятствовать излиянию этих переполненных сердец; но Элиав велел женщинам замолчать и с робкой тревогой посмотрел на серьезное лицо сурового первенца своего господина.

Понял ли его Иосия? Ясно ли сделалось теперь для служащего фараону воина, каким образом сам Господь Бог при выступлении евреев овладел душами их? Неужели он отпал от своего народа и от своего Бога и среди египтян выродился до того, что противится желанию и повелению своего родного отца? Неужели тот, на которого отец возлагал величайшие надежды, сделался перебежчиком и потерял для своего народа?

На эти вопросы он не получил ответа на словах; но когда Иосия обеими руками схватил его старую мозолистую правую руку и пожал ее, как руку друга, когда он со слезами на глазах простился с ним и пробормотал: «Ты услышишь обо мне», тогда Элиав подумал, что он знает довольно, и, охваченный радостью, несколько раз поцеловал плечи и одежду воина.

VII

С поникшей головой вернулся Иосия в лагерь. Разлад в его душе прекратился. Теперь он знал, что ему надлежит делать: отец звал его, и он должен был повиноваться.

Его звал также и Бог его народа!

При рассказе старика пробудилось к новой жизни все, что Иосия слышал об этом Боге в детстве, и теперь он знал, что это не Сет народов Нижнего Египта, но тот «Единый» и «Сумма Всего», Которого чтят посвященные.

Молитвы, которые Иосия произносил перед сном, история сотворения мира, которой он никогда не мог наслаждаться вдоволь, так как она с такой отчетливой ясностью изображала, каким образом постепенно возникало все, что есть на Земле и на небе, пока не явился человек, чтобы завладеть и пользоваться их дарами, – рассказы об Аврааме, Исааке, Иакове, Исаве и о предке Иосии Иосифе, – все эти повествования он слушал так охотно, когда их рассказывала ему кроткая женщина, даровавшая ему жизнь, или нянька, или дед его Элисам. И, однако же, ему казалось, что он давно позабыл их.

Но в хижине старого раба он мог бы повторить их слово в слово, и теперь он снова знал о существовании невидимого всемогущего Бога, Который предпочел его племя всем другим и обещал сделать его великим народом.

То, что у египтян скрывалось как величайшая тайна, было общим достоянием его соплеменников. У евреев каждый нищий и раб мог поднимать в молитве руки к единому невидимому Богу, Который открыл себя Аврааму.

В среде египтян мудрствующие головы, которые подозревали Его бытие и искажали Его существо выдумками своего собственного воображения и мышления, окутывали Его непроницаемым покровом и скрывали Его от толпы; только в среде народа Иосии этот Бог был поистине живым и деятельно являл Себя в Своем могучем, потрясающем сердца величии.

Он не был природой, с которой отождествляли Его посвященные в храмах; нет, Бог его отцов возносится высоко над всем сотворенным и над всем миром явлений, в том числе и над человеком, Его последним и совершеннейшим созданием, и вся тварь подчинена Его воле. Как всемогущий царь над царями, Он с правдивой строгостью управляет всем живущим; и хотя Он скрыл Себя от взоров и воображения людей, созданных по Его образу и подобию, но тем не менее Он есть живущее, мыслящее, движущееся существо, как они, только срок Его существования – вечность, Его дух – всеведение, круг Его владычества – бесконечность.

И этот Бог сделался вождем его народа! Нет ни одного военачальника, который дерзнул бы померяться с ним. Если пророческий дух не обманул Мариам, если Бог действительно призвал его быть Его оруженосцем, то каким образом смеет он противиться Его воле, и какой более высокий пост существует на земле?

А его народ, та чернь, о которой Иосия так недавно думал с презрением, как преобразился он, судя по рассказу Элиава по воле Всевышнего! Теперь он горел желанием вести его, и на половине пути к лагерю он остановился на песчаном холме, внизу которого безграничная равнина моря мерцала сиянием потухавших звезд, и в первый раз после долгих-долгих лет Иосия поднял руки и глаза к Богу, обретенному им снова.

Он начал короткою молитвой, которой научила его мать; но затем воззвал к Всевышнему как могущественному помощнику, и с пламенным рвением просил Его указать ему путь, на котором он, оставаясь послушным Ему и своему отцу, не был бы принужден нарушить присягу, данную фараону, и сделаться бесчестным в глазах людей, которым он так много обязан.

«Твои слуги прославляют Тебя, как праведного Бога, карающего за клятвопреступление! – мысленно взмолился Иосия. – Как можешь Ты требовать, чтобы я оказался вероломным и нарушил данную мною клятву. Все мое существо, все, чем я обладаю, принадлежит Тебе, великий, и я готов посвятить мою кровь и жизнь моему народу. Но прежде, чем ввергнуть в клятвопреступление, возьми меня отсюда и возложи на кого-нибудь другого, не связанного никакою священной клятвой, дело, для которого Ты избрал меня!»

Так молился Иосия, и ему казалось, будто он держит в своих объятиях друга, которого считал потерянным. Затем он пошел дальше в тишине постепенно истаивающей ночи, и, когда появился первый проблеск утра, волнение переполнявших его чувств улеглось, и рассудительный военачальник начал размышлять с прежним спокойствием.

Он дал себе обет ничего не делать против воли своего отца и своего Бога, но тем не менее твердо решил не быть бесчестным и нарушителем присяги. Он явственно видел то, что ему следовало сделать. Он должен был расстаться со службой фараону и прежде всего объявить Горнехту, что, как послушный сын, он намерен повиноваться приказанию своего отца и разделить судьбу своего народа.

При этом он нисколько не скрывал от себя, что ему откажут в его требовании, что его удержат насильно и, может быть, за непоколебимую настойчивость в исполнении своей воли будут угрожать ему смертью и наконец, когда дело дойдет до крайности, отдадут в руки палача. Если это действительно угрожает ему, если его поведение будет стоить ему жизни, то он все-таки поступит как следует, и его сослуживцы, уважение которых ему дорого, должны будут признать его честным товарищем. Отец и Мариам не будут иметь права сердиться на него; им придется только оплакивать того, кто предпочел смерть клятвопреступлению.

Ободренный и успокоенный, он с гордым видом назвал часовым пароль и вошел в свою палатку.

Эфраим еще лежал спокойно на постели и улыбался, как бы под влиянием какого-нибудь приятного сна. Иосия лег возле на циновке, чтобы подкрепиться коротким сном для наступающего трудного дня. Глаза его тотчас сомкнулись, и, проспав один час, он проснулся и велел надеть на себя лучшее парадное одеяние: шлем и позолоченный чешуйчатый панцирь, которые он обыкновенно носил в торжественные дни в присутствии фараона.

Между тем проснулся и Эфраим. Он окинул любопытным и радостным взглядом фигуру дяди, стоявшего перед ним во всем блеске мужественной силы и воинского великолепия, поднялся на постели и воскликнул:

– Человек должен чувствовать гордость, когда в таком наряде он предводительствует тысячами!

Иосия пожал плечами и ответил:

– Будь послушен твоему Богу, не давай ни самым великим, ни самым малым повода смотреть на тебя иначе как с уважением, и ты будешь иметь право держать голову так же высоко, как самый гордый военный герой в пурпурном одеянии и золотом панцире.

– Но ты достиг великой должности среди египтян, – продолжал юноша. – Они ставят тебя очень высоко, в том числе и начальник лучников Горнехт, и его дочь Казана.

– Да? – спросил воин, улыбаясь, и велел своему племяннику сохранять спокойствие, потому что лоб юноши горел, хотя и не так сильно, как накануне. – Не выходи на воздух, – прибавил Иосия, – пока тебя не навестит врач, и жди моего возвращения.

– А ты уходишь надолго? – спросил Эфраим.

Иосия в задумчивости остановился, ласково посмотрел ему в лицо и затем ответил серьезно:

– Кто находится на службе у какого-нибудь повелителя, тот никогда не знает, как долго его могут задержать... – Затем переменял тон и продолжал более спокойно: – Сегодня, в это утро, может быть, все будет сделано скоро, и я вернусь через несколько часов. Если же нет, то

я вернусь к тебе не раньше как вечером или завтра утром. Если же этого не случится, тогда, – при этих словах он положил руку на плечо мальчика, – тогда как можно скорее возвращайся домой. Если, придя в Суккот, ты узнаешь, что народ ушел уже оттуда до твоего прибытия, то в дупле сикоморы, растущей перед домом Аминадава, ты найдешь письмо, из которого узнаешь, куда он направился. Когда догонишь наших, поклонись моему отцу, деду Элисаму и Мариам. Скажи ей и другим, что Иосия не забудет повеления своего Бога и своего отца. Впоследствии он будет называться Иисусом, слышишь? Иисусом! Сообщи это прежде всех Мариам. Наконец, ты скажешь им, что если я задержусь и мне не будет позволено следовать за ними, как бы я желал, то, значит, Всевышний иначе решил относительно меня, и меч, который он избрал себе, сломался, прежде чем Он употребил его в дело. Понимаешь ты меня, мальчик?

Эфраим кивнул и проговорил:

– Ты хочешь сказать, что только смерть может помешать тебе последовать призыву Бога и приказанию твоего отца?

– Да, таков смысл моих слов, – ответил Иосия. – Но если они спросят тебя, почему я не могу уйти от фараона и его власти, то отвечай им, что Иосия желает вступить в свою новую должность как честный человек, не опозоренный никаким клятвопреступлением, или же умереть таковым, если это будет угодно Богу. Теперь повтори мои слова.

Эфраим повиновался, и, должно быть, фраза дяди глубоко запечатлелась в его сердце, потому что он не забыл и не переставил в ней ни одного слова. Он повторил ее и, исполнив эту обязанность посланца, тотчас же с порывистой горячностью схватил руку Иосии и умолял его сказать откровенно, не имеет ли он основания опасаться за свою жизнь. Воин обнял его и высказал надежду, что он дает это поручение только затем, чтобы забыть его.

– Может быть, – прибавил он, – меня постараются удержать насильно, но с Божьей помощью я скоро вернусь к тебе, и мы поедem в Суккот.

Сказав это, Иосия вышел из шатра, не обращая внимания на дальнейшие вопросы племянника, так как услышал стук колес. Две колесницы с великолепными лошадьми быстро подкатили к палатке и остановились у входа.

VIII

Иосия хорошо знал людей, вышедших из экипажа. Это были первый царедворец в покоях фараона и один из главных придворных ученых; они приехали затем, чтобы отвезти Иосию к Высоким Воротам²⁴.

Невозможно было ни уклониться, ни медлить, и, более изумленный, чем встревоженный, он сел во вторую колесницу, вместе с ученым. Оба сановника были в траурном платье и вместо белого страусоваго пера, знака их звания, имели черное у висков. Лошади, а также скороходы, предшествовавшие двухколесным экипажам, были покрыты всеми эмблемами глубочайшего траура. Но тем не менее посланцы царя были скорее веселы, чем печальны, потому что орел, которого надлежало привезти к фараону, добровольно последовал за ними, тогда как они опасались, что уже не найдут его в гнезде.

Рослые гнедые кони из царской конюшни с быстротою ветра несли легкие колесницы по неровному песчаному берегу и по гладкой дороге к дворцу.

Эфраим с любопытством юности вышел из палатки, чтобы присутствовать при редком зрелище. Столпившимся воинам было приятно, что фараон прислал за их вождем свою собственную колесницу; это льстило также и тщеславию Эфраима. Но ему недолго пришлось смотреть вслед удалявшемуся Иосии: густые облака пыли скоро скрыли колесницы от его глаз.

Знойный ветер пустыни, который в весенние месяцы так часто налетает на нильскую долину, поднялся, и небо, освещавшееся ночью и утром светлою синевою, было теперь как бы завешено покровом беловатой пыли. Ядро солнца, подобно глазу слепого, неподвижно смотрело вниз, на головы людей. Изливавшийся из него зной, казалось, поглотил его лучи, которых сегодня не было видно. Глаза, защищенные испарениями, могли смотреть на солнце, не боясь ослепнуть, и, однако же, его опаляющий зной никогда не был сильнее. Легкий ветерок, который утром обыкновенно освежал голову, веял на нее теперь подобно горячему дыханию разъяренного хищного зверя. Соединившись с тонкими знойными песчинками, занесенными из пустыни, он превращал отраду дыхания в тягостную муку. Воздух египетского мартовского утра, обыкновенно столь ароматный, стеснял грудь людей и животных, казалось, он тяготил всякую тварь и останавливал веселое течение ее жизни.

Чем выше поднимался бледный, лишенный сияющего ореола солнечный диск, тем более серыми становились пары, тем гуще и подвижнее делались облака принесенной из пустыни песчаной пыли.

Эфраим стоял перед шатром и смотрел на то место, где колесницы фараона исчезли в пыли. Колени его дрожали, но он приписывал это ветру Сета, при котором даже у самых сильных людей ноги отягощаются какими-то невидимыми гирями.

Иосия уехал, но через несколько часов может вернуться, и тогда Эфраиму придется отправиться с ним в Суккот; и прекрасные мечты и надежды, возбужденные в его душе вчерашним днем, чарующая прелесть которых еще более усиливала его лихорадку, должны будут исчезнуть для него навсегда.

Еще в прошлую ночь он решил поступить в войска фараона, чтобы остаться в Танисе, около Казаны; но если он хоть наполовину понял поручение, данное ему Иосией, то должен заключить из него, что его дядя намерен отказаться от своей высокой должности и оставить Египет; и если ему удастся выбраться благополучно, то он возьмет с собою и племянника. В таком случае Эфраиму придется отказаться от страстного желания еще раз увидеть Казану. Эта мысль казалась юноше невыносимой, и какой-то тихий голос нашептывал ему, что у

²⁴ Дворец царя. Само имя фараон (*др. – егип. пер.*) значит «высокие ворота», «высокий дом».

него нет ни отца, ни матери и что он может поступить согласно своему желанию. Опекун Эфраима, брат умершего отца, недавно заболел, и ему не назначали нового опекуна, так как несовершеннолетие его кончилось. Впоследствии предстояло сделаться главою гордого рода, и до вчерашнего дня он не желал ничего лучшего.

Когда вчера юноша с гордостью свободного стадовладельца отклонил предложение жреца сделаться воином фараона, он поступил согласно побуждению своего сердца. Теперь он говорил себе самому, что было бы ребячеством и глупостью отказаться от того, чего он не знал, что ему многое было с умыслом представлено в ложном и отталкивающем виде с целью крепче привязать его к своим. Эфраиму описывали египтян как врагов и угнетателей, достойных ненависти, а между тем каким привлекательным казалось ему все, что встретило его в первом же доме, в который он вступил, в доме одного из военачальников фараона!

А Казана! Что она может подумать об Эфраиме, если он оставит Танис, не простившись с нею? Может ли не огорчать его, не возбуждать его досаду мысль, что в ее воспоминании он будет являться неотесанным, грубым пастухом? Кроме того, было бы нечестно не возратить ей дорогого одеяния, которым она ссудила его. Благодарность и у евреев считалась важнейшей обязанностью благородного сердца. Жизнь ему долго будет казаться ненавистной, если он еще раз не повидается с Казаной.

Но нужно спешить, потому что Иосия, вернувшись, должен найти племянника готовым к отъезду. Он уже завязал свои сандалии, но ходил медленно и не понимал, почему так трудно ему это сегодня дается...

Эфраим без всякой помехи прошел через лагерь. Пилоны и обелиски перед храмами, которые казались слегка дрожащими в разгоряченном пыльном воздухе, указывали направление, и вскоре юноша вышел на широкую дорогу, которая вела к рынку, ему показал ее торговец, ослы которого везли несколько мехов с вином в лагерь.

Густая пыль покрывала изъезженный путь и окружала Эфраима, а сверху светило дня изливало потоки зноя на его обнаженную голову. Рана начала снова болеть; воздух, наполненный тонкой пылью, проникал в глаза и рот и веял обжигающим и колющим жаром на его лицо и открытые части тела. Им овладела мучительная жажда, и он был принужден останавливаться несколько раз, так как чувствовал в ногах большую тяжесть. Наконец он добрался до колодца, вырытого каким-то благочестивым египтянином для путников, и хотя этот колодец был украшен одним из тех изображений богов, которые Мариам учила его обходить, он пил с жадностью, и ему казалось, что никогда еще вода не действовала на него так освежающе.

Опасение лишиться чувств, как вчера, у него прошло, и хотя ноги все еще были тяжелы, однако он все-таки быстро шел к намеченной цели. Но скоро от напряжения силы его истощились, лоб покрылся потом, в ране он чувствовал биение крови и какую-то точно разрывающую боль, и казалось, что железный обруч сжимает череп. Его глаза, обыкновенно столь зоркие, отказывались служить; то, что хотели они уловить, было замутнено дорожной пылью, горизонт качался перед его взором вверх и вниз, и юноше казалось, что будто вместо твердого камня улицы он идет по мягкой, болотистой почве.

Но все это мало тревожило Эфраима, потому что никогда еще его внутренняя жизнь не была так богата и так обильна пестрыми красками. О чем бы он ни начинал думать, все представлялось ему с изумительной яркостью. Образ за образом возникали перед его широко раскрытым мысленным взором не по его собственному вызову, а как будто их накопляла какая-то сокровенная, вне его лежавшая сила. То ему казалось, что он лежит у ног Казаны, припадает головой к ее груди и смотрит на ее прекрасное лицо; то он видел перед собою Иосию в блестящем воинском снаряжении, как недавно, только еще в более великолепном, и окруженного вместо тусклого света палатки красным огненным сиянием. Затем перед ним проходили самые отборные быки и бараны его стад, и в промежутках припоминались запе-

чатлевшиеся в его уме фразы из речей, которые поручено ему было передать, по временам ему казалось даже, что кто-то громко повторяет их. Однако же, прежде чем он мог уловить смысл этих фраз, перед его зрением и слухом являлось что-нибудь новое, с удивительным блеском или с громким, шумным звуком.

Так шел Эфраим вперед, шатаясь, точно пьяный, с лицом, покрытым каплями пота, и с пересохшим нёбом; время от времени он поднимал руку, чтобы стереть пыль с горящих глаз; но его мало беспокоило то, что они неясно показывали окружавшие его предметы, так как ничто не могло быть прекраснее образов, которые он видел мысленно.

Правда, не один раз к нему возвращалось ощущение того, что он жестоко страдает, и тогда юноша порывался кинуться на землю в изнеможении; но его снова затем удерживало на ногах чувство какого-то благополучия. Наконец им овладел бред. Ему представлялось, что голова его постепенно увеличивается и растет, принимая сначала размеры головы колоссов, которых он видел вчера у ворот храма, затем достигает высоты пальм и наконец доходит до облаков и поднимается все выше и выше. И затем вдруг ему показалось, что эта голова, его собственная голова, обнимает собою весь мир, и он прижал руки к вискам и подпер ими лоб, так как шея и плечи будто сделались слишком слабыми для того, чтобы выносить тяжесть такого гигантского черепа. Охваченный этим бредом, Эфраим громко вскрикнул, ноги его подкосились, и он без чувств упал на пыльную дорогу.

IX

В это самое время один из придворных ввел Иосию в приемный зал. Хотя лицам, которым назначалась аудиенция, обыкновенно приходилось ждать по целым часам, но терпение еврея недолго подвергалось испытанию. В эти дни глубокой печали обширные покои дворца, где обыкновенно кипела пестрая и шумная жизнь, точно вымерли. Не только рабы и стражи, но и многие знатные мужчины и женщины из ближайшей свиты царской четы в ужасе бежали от моровой язвы и без позволения оставили дворец. Только изредка попадался какой-нибудь жрец, чиновник или придворный, стоявший, прислонясь к колонне, или сидевший на полу, закрыв лицо руками, ожидая приказаний. Часовые ходили взад и вперед, опустив оружие, с видом тупой апатии. По временам несколько молодых жрецов в траурной одежде тихо проходили через посещенные моровой язвой комнаты и молча размахивали серебряными сковородками, из которых изливался острый запах горячей смолы и можжевельника.

Казалось, ужас овладел дворцом и его обитателями, потому что к печали о любимом сыне царя, удручавшей сердца многих, присоединились страх смерти и ветер пустыни, лишавший энергии и тело, и душу.

Здесь, вблизи трона, где в другое время под влиянием надежды и честолюбия, благодарности и страха, волнения и ненависти глаза людей загорались более ярким блеском, Иосия видел теперь лишь поникшие взоры и головы.

Только на Бая, второго пророка Аммона, по-видимому, не действовали ни печаль, ни страх, ни расслабляющий воздух этого дня. Он приветствовал Иосию в передней зале, такой же свежий и бодрый, как всегда, и затем стал уверять его, конечно, тихим шепотом, что никто не думает вымещать на нем бедствия, которыми египтяне обязаны его соплеменникам. Но когда еврей откровенно признался, что в ту самую минуту, когда его потребовали во дворец, он был готов отправиться к главнокомандующему с целью просить у него увольнения от военной службы, жрец прервал его, напомним о благодарности, которой он, Бай, обязан ему, спасителю его жизни. Затем он стал уверять Иосию, что употребит все средства, для того чтобы удержать его в войске и доказать ему, что в Египте, даже и вопреки воле фараона, о котором ему необходимо поговорить с Иосией наедине, умеют ценить заслуги независимо от знатности и происхождения.

Но еврею осталось мало времени настаивать на своем желании, потому что главный царедворец при покаях царя пришел, чтобы проводить Иосию и поставить перед лицом «доброго бога»²⁵.

Фараон ожидал в малой приемной зале, прилегавшей к жилым покоям царского семейства. Это была великолепная комната, казавшаяся теперь еще обширнее, чем в другое время, когда ее заполняли толпы народа, поскольку теперь возле трона стояли группами только небольшое число придворных и жрецов и несколько женщин из свиты царицы, в глубоком трауре; напротив трона сидели на полу полукругом ученые и советники царя, украшенные страусовыми перьями.

Все носило печать скорби, и однообразное жалобное завывание плакальщиц, по временам переходящее в резкий вибрирующий вопль, свидетельствовало, что и в этом дворце смерть нашла себе жертвы. Надрывный вопль доносился из внутренней части царского жилища через безмолвные комнаты.

Царская чета сидела на троне из золота и слоновой кости, обтянутом черным покрывалом. Вместо блестящего наряда, фараон и его жена были одеты в темные одежды, и цар-

²⁵ Один из титулов фараона.

ственная жена и мать, оплакивавшая своего перворожденного сына, с поникшею головой, неподвижная, опиралась на плечо своего супруга.

Фараон тоже остановившимся взором смотрел в землю, как бы скованный грезами. Царский жезл выскользнул у него из рук на колени.

Царицу оторвали от тела умершего сына, которое нужно было бальзамировать, и она только на пороге залы с трудом уняла слезы. Она и не помышляла о сопротивлении, потому что неумолимый церемониал двора требовал ее присутствия при сколько-нибудь важных аудиенциях. Из этого правила, конечно, можно было бы сделать исключение для подобного дня, но фараон потребовал ее присутствия, и она знала и одобрила цель настоящей аудиенции. Страх перед могуществом еврея Мезу, которого его соплеменники называли Моисеем, и перед его Богом, наславшим на нее такое ужасное бедствие, овладел ею всецело. У нее были еще и другие дети, которых она могла потерять; она знала Моисея с детства, и ей было известно, как высоко великий Рамсес, отец и предшественник ее супруга, ценил этого чужеземца, который был воспитан вместе с его сыновьями.

О, если бы удалось умиротворить этого человека! Но Мезу ушел вместе со своим народом, она знала его железный характер, а равно и то, что он защищен крепкою броней не только против угроз фараона, но и против ее собственной пламенной мольбы.

Теперь царица ожидала Иосию, и если это находится в пределах человеческих сил, так именно он, сын Нуна, первого человека между евреями Таниса, мог сделать то, что признавали наилучшим для всех сторон ее супруг и Руи, престарелый первый пророк и верховный жрец Аммона, глава всего жреческого сословия страны, который в то же время носил звание верховного судьи, главного казначея и наместника, и последовал за двором из Фив в Танис.

Перед тем как царицу повели в приемный зал, она плела венки для своего дорогого покойника, и цветы лотоса, колокольчики, мальвы и ивовые листья, из которых она сплетала их, по ее желанию были принесены вслед за нею. Теперь лежали они на маленьком столике и на ее коленях; но она чувствовала себя как бы парализованной, и рука, которую она протягивала к ним, отказывалась повиноваться.

На циновке, по левую сторону от фараона, сидел Руи, первый пророк, давно уже переступивший за пределы девяностолетнего возраста. Из-под лба, изборожденного морщинами до того, что кожа его казалась похожей на кору узловатого дуба, сверкали умные глаза, прикрытые пучками белых густых бровей, подобно прекрасным цветам среди сухих листьев, и как-то странно выделялись на общем фоне изможденной, скорченной и согбенной фигуры дряхлого пророка.

С некоторого времени старик предоставил ведение дел второму пророку Баю, но за свой сан, за свое место возле фараона и за свой стул в совете держался цепко, и, как ни мало он говорил, его мнение все-таки имело решающий перевес чаще, чем мнение многоречивого, пылкого и далеко не такого старого, как он, второго пророка.

С тех пор как моровая язва проникла во дворец, старик не отходил от фараона; однако же в этот день он чувствовал себя более бодрым, чем обыкновенно. Жаркий ветер пустыни, обессиливавший других, был для него благодетелен, так как Руи постоянно зяб, несмотря на шкуру пантеры, покрывавшую его плечи и спину, а зной этого дня согревал его старую, цепеневшую кровь.

Еврей Моисей был когда-то его учеником, и ему никогда не приходилось руководить более могучей натурой, никогда не случалось обучать юношу, богаче одаренного всеми талантами духа. Этот еврей был посвященным в высшие тайны египетского культа. Пророк ожидал от него величайших дел на благо египтян и всего жреческого сословия, и когда Моисей убил надсмотрщика, жестоко стегавшего хлыстом одного из его соплеменников, и затем убежал в пустыню, Руи так искренно оплакивал этот прискорбный поступок, точно провинился и должен был понести кару его собственный сын. Пророку удалось исходатай-

ствовать прощение для Мезу; но когда последний вернулся в Египет и с ним произошло то, что собратья по сословию называли «отпадением», то он причинил жрецу еще более глубокое горе, чем своим бегством. Если бы он, Руи, был моложе, он возненавидел бы человека, обманувшего самые прекрасные его надежды, но старик, для которого человеческое сердце было открытой книгой и который умел заглядывать в душу своих ближних с трезвым беспристрастием светлого ума, признавался себе самому, что он сам виноват, если не предугадал перемены, происшедшей в его ученике.

Воспитанием и обучением Моисей был подготовлен к тому, чтобы сделаться египетским жрецом, угодным сердцу Руи и божества; но после того, как этот еврей поднял руку на человека, с которым соединяли его человеческий ум и человеческая воля, он был потерян для египтян и сделался истинным сыном своего племени; и там, где он с твердой волей и высоким умом шел впереди, другие должны были следовать за ним.

Притом Руи знал – что именно отщепенец намерен дать своему народу, так как он сам признался в этом верховному жрецу. Моисей хотел дать веру в единого Бога. Он тогда отклонял от себя упрек в клятвопреступлении и уверял, что он нисколько не думает открывать евреям «Единого», о котором говорят египетские мистерии, а намерен возратить их к Богу, Которому они уже служили до прихода Иосифа и его семейства в Египет. Правда, «Единый», которого признавали посвященные, во многом походил на единого Бога евреев, но именно это и успокаивало старого мудреца. Опыт говорил ему, что народная масса никогда не довольствуется единым невидимым Богом, Которого только с трудом могли понять даже некоторые из наиболее способных учеников. Мужчины и женщины из народа нуждаются в осязательных образах для всего великого, действие которого они чувствовали бы в себе и вокруг себя, и такие образы представляла им религия египтян. Какое значение могла иметь для влюбленной девушки созидаящая и управляющая движением миров невидимая сила? Ее влекло к ласковой Гатор, имеющей в своих благодатных руках шнурки, связующие сердца, к могущественной богине одного с нею пола, перед нею она могла с полным доверием излить то, что удручает ее душу. Горе матери, у которой смерть хотела похитить милого ребенка, – что значило это маленькое горе для необъятно великого, управляющего всем миром Всемогущества? Но Исида, которая сама плакала в глубокой печали²⁶, могла ее понять. И как часто в Египте жена определяла отношение мужа к богам!

Верховный жрец довольно часто видал евреев и евреек, набожно молящихся в храмах его страны. Если Моисей и приведет их к исповеданию своего Бога, то он, Руи, опытный старик, предвидел с уверенностью, что они довольно скоро отвратятся от невидимого Духа, Который для них останется далеким и непонятным, и веселыми толпами поспешат к богам, которых они понимают.

– Там, где достаточно прибегнуть к добрым словам, нужно оставить меч и лук в покое, – возражал Руи второму пророку, настаивавшему на том, чтобы преследовать и уничтожить беглецов. – Наша страна изобилует трупами, но мы терпим недостаток в рабочих руках. Будем крепко держаться за то, что может быть потерянным для нас...

И эти кроткие слова пришлись вполне по сердцу фараону, который претерпел довольно горя и считал более благоразумным без оружия войти в клетку льва, чем еще раз идти наперекор гневу грозного еврея. Поэтому царь не внял подстрекающим словам второго пророка, уверенная, энергичная манера которого в другое время оказывала на него тем большее влияние, чем нерешительнее был он сам; успокоенный и как бы оживленный новою надеждой,

²⁶ Исида, Изиды (егип. «Исет» – «трон», место) – богиня плодородия, воды и ветра, мореплавания, покровительница рожениц, символ женственности и семейной верности. Исида входит в девятку изначальных египетских богов: дочь Геба и Нут, сестра Озириса (и его супруга), сестра Нефтиды и Сета, мать Гора. Когда Сет убил Озириса, разрубил (по одной из версий мифа) его тело на 14 частей и разбросал эти части по всему Египту, Исида собрала их воедино, оплакала и погребла, согласно ритуалу.

фараон согласился с предложением старого Руи – послать военачальника Иосию к его соплеменникам для переговоров с ними от имени фараона.

Второй пророк в конце концов тоже одобрил этот план, так как у него появилась новая задача – подкопаться под трон, который он намеревался низвергнуть. Как только евреи снова прочно засядут в стране, вместо нерешительного царя Марнепта скипетр может быть передан в руки Сиптаха, в глазах которого никакая кара не покажется слишком тяжелой для предводителей ненавистных ему евреев.

Но прежде надлежало задержать беглецов, и Иосия был как раз подходящим для этого человеком. С другой стороны, никто не казался Баю более способными приобрести доверие простосердечного воина, чем сам фараон и его супруга. Это мнение разделял и верховный жрец Руи, хотя он стоял далеко от заговора, и, таким образом, было решено, что царственная чета прекратит на время свое сетование об умершем и лично примет еврея.

Иосия распростерся перед троном, и когда поднял голову, то увидел лицо фараона, смотревшего на него грустными, но милостивыми глазами.

Согласно требованиям обычая, волосы на голове и в бороде фараона, у которого умер сын первенец, были острижены. Некогда они окаймляли его лицо глянцевиной черной рамкой, но за десять лет правления, исполненного забот, поседел; фигура царя утратила свою стройность, казалась немощной и старчески согбенной, хотя повелитель Египта едва переступил за порог пятидесятилетия. Правильно очерченное лицо Марнепта было все еще красиво, что-то внушавшее сострадание было в его грустной мягкости, не способной к энергичным порывам, тем более что какая-то черта, похожая на улыбку, придавала его губам привлекавшее сердца выражение. Ленивая медлительность, с какою он привык двигаться, почти не вредила царственному величию его особы, – но в голосе его слышалось утомление и как бы мольба о помощи. Ему не было по рождению предназначено сделаться властителем: тринадцать старших его братьев умерли, прежде чем на его долю выпало право занять престол фараонов; как самый красивый юноша в стране, любимец женщин и веселый баловень счастья, он до самого перехода к мужественному возрасту беззаботно наслаждался жизнью. Затем он сделался наследником своего отца, великого Рамсеса, и едва взял скипетр в руки, как ливийцы с помощью нескольких союзников восстали против Египта. Войска и их вожди, испытанные в войнах его предшественников, доставили ему победу, но за годы, истекшие после смерти Рамсеса, войска его редко оставались в покое, так как приходилось подавлять восстания то на востоке, то на западе. Вместо Фив, где прожил он много счастливых лет в одном из великолепнейших дворцов, где, согласно своим склонностям, наслаждался всеми благами мира и обществом выдающихся людей, которые занимались научными исследованиями и предавались творчеству, – он был принужден следовать за войском в поход и жить в главном городе Нижнего Египта Танисе, чтобы водворить порядок и спокойствие в этой пограничной области. Так посоветовал ему старый Руи, и царь покорно последовал этим указаниям.

В последние годы жизни Рамсеса II государственный храм в Фивах и с ним его верховный жрец сделались богаче и могущественнее царского дома: для слабохарактерного Марнепта более соответствовало быть орудием, чем управляющею рукою, лишь бы только ему воздавались почести, подобающие фараону. Он наблюдал за ними с таким вниманием, какого ему никогда не хватало, когда дело шло о более серьезных вещах.

Милостивая снисходительность, с которой фараон принял Иосию, радовала последнего и вместе с тем беспокоила его. Однако же он собрался с духом и откровенно высказал, что желает быть освобожденным от своей должности и от присяги, которую он дал верховному военачальнику.

Царь слушал его спокойно, и только после того, как Иосия сообщил ему, что к этому шагу побудило его приказание отца, фараон сделал знак верховному жрецу, и тот начал говорить тихим, едва слышным голосом:

– Сын, который жертвует великим для того, чтобы оставаться послушным отцу, становится самым дорогим из слуг «благого бога». Итак, исполни приказание Нуна. Сын солнца, властитель Верхнего и Нижнего Египта освобождает тебя, но при этом он ставит тебе одно условие.

– Какое? – спросил Иосия.

Тогда фараон снова подал знак верховному жрецу и опустил на трон, а Руи, устремив свои ясные глаза на Иосию, ответил:

– То, чего властитель двух миров требует от тебя устами своего слуги, исполнить легко: ты должен снова принадлежать ему, быть нашим, как только твой народ и его вожди, причинившие нам столь великое страдание, припадут к божественной руке Сына солнца и возвратятся под благодатную тень его трона. «Добрый бог» желает знаками своей милости снова привязать беглецов к себе и к своему царству, как скоро они вернутся домой из пустыни, где они намерены приносить жертвы своему Богу. Пойми меня хорошенько! То, что угнетает народ, среди которого ты родился, будет устранено. «Добрый бог» намеревается посредством нового закона обеспечить ему широкие вольности и льготы, и то, что мы обещаем ему, будет записано и засвидетельствовано с нашей и с вашей стороны как новый договор, обязательный для детей и внуков. Если это будет сделано с честным намерением с нашей стороны исполнить договор до конца дней и если твои соплеменники согласятся принять его, пожелаешь ли ты в таком случае снова сделаться нашим сторонником?

– Прими на себя обязанность посредника, Иосия, – вмешалась в речь старого жреца царица тихим голосом, просительно глядя печальными глазами в лицо военачальнику. – Меня страшит гнев Мезу, и, со своей стороны, мы желаем этого договора, чтобы снова приобрести его прежнюю дружбу. Назови ему мое имя, напости ему о днях, когда он мне, маленькой Изиснеферт, называл растения, которые я приносила ему, и объяснял мне и моей сестре – что нам полезно и что вредно, когда навещал царицу, свою вторую мать, в доме женщин. Раны, нанесенные им нашим сердцам, будут прощены и забыты. Будь нашим послом, Иосия, не откажи нам в этом!

– Такие слова из таких уст, – ответил воин, – все равно что строгие приказания, и, однако же, они приносят сердцу отраду. Я принимаю на себя обязанность посредника.

Верховный жрец одобрительно кивнул ему и сказал:

– В таком случае я надеюсь, что из этого короткого часа произрастет продолжительное время благоденствия. Вы же заметьте: где помогает лекарство, там следует избегать ножа и огня, где через поток перекинут мост, там следует остерегаться переплывать через водоворот!

– Да, конечно, следует избегать водоворота, – повторил фараон; за ним то же произнесла царица и взглянула на цветы, лежавшие у нее на коленях.

Началось совещание.

Три тайных писца поместились на полу как можно ближе к верховному жрецу, чтобы слышать его тихий голос; сидевшие полукругом ученые и советники схватились за письменные принадлежности и, с папирусом в левой руке, стали водить по нему тростниковым пером или кистью, так как ничто, происходившее в присутствии фараона, не должно было оставаться незаписанным.

Во время последовавших совещаний слышались только сдержанные голоса; стражи и придворные были неподвижны на своих местах, а царская чета смотрела безмолвно и оцепенелым взглядом, точно погруженная в грезы.

Ни для фараона, ни для его супруги не было бы возможно понять тихий разговор мужчин; но совещающиеся египтяне не заканчивали ни одной фразы, не подняв при этом глаз на царя, как бы желая заручиться его одобрением. Иосия, следуя примеру других, тоже говорил тихо; но когда по временам голос второго пророка или главного из ученых раздавался громче, то фараон поднимал голову и повторял фразу верховного жреца: «Где через поток перекинут мост, там не следует переплывать через водоворот», так как эти слова в точности выражали желание царя и царицы. Желание это заключалось в следующем: мир с евреями и успокоение гнева их страшного вождя и его Бога, на условиях, чтобы тысячи прилежных рук беглецов не были потеряны для Египта.

Совещание подвигалось, таким образом, вперед; тихий говор совещающихся и скрипение тростниковых перьев продолжались уже целый час, а царица все еще сохраняла свое прежнее положение; но фараон сделал движение и возвысил голос, так как стал опасаться, чтобы второй пророк, ненавидевший человека, у которого он просил благословения, не поставил посреднику невыполнимых условий.

Но то, что сказал повелитель, оказалось только новым повторением совета подумать о мосте, и вопросительный взгляд его на начальника ученых побудил того успокоить его уверением, что все идет наилучшим образом. Иосия желал только, чтобы надсмотрщиками, надзирающими за рабочим людом, впредь были не полицейские из ливийцев, а евреи, избрание которых на эту должность производилось бы старейшинами его народа и утверждалось египетским правительством.

Фараон бросил боязливо-просящий взгляд на Бая, второго пророка, и на других советников; но первый с видом сожаления пожал плечами и согласился и на это условие Иосии, как бы говоря, что он подчиняет свое личное мнение божественной мудрости фараона.

Такую уступчивость со стороны человека, который уже много раз оказывал сопротивление желаниям царя, последний приветствовал благодарным наклоном головы, и после прочтения вслух «повторителем» — глашатаем отдельных пунктов договора, Иосии было предложено дать торжественную клятву — во всяком случае вернуться в Танис и доложить «высоким вратам», каким образом приняли его соплеменники предложения фараона.

Осторожный военачальник, зная, что Египет слишком богат западнями и ловушками, согласился на требуемую клятву неохотно и только после того, как ему дали письменное ручательство, что, к каким бы результатам ни привели переговоры, его свобода никоим образом не будет нарушена, если он будет в состоянии доказать, что со своей стороны сделал все для побуждения вождей его народа к принятию договора.

Наконец фараон протянул руку воину для поцелуя, и, после того как Иосия прикоснулся губами к краю одежды царицы, верховный жрец Руи подал первому царедворцу, а тот — фараону знак; властитель понял, что он может удалиться. И Марнепта сделал это охотно и с облегченным сердцем, считая, что он наилучшим образом позаботился о своем собственном благополучии и о благе своего народа.

По его усталым красивым чертам пробежало как бы солнечное сияние; царица тоже встала и, увидав, что царь улыбается с довольным видом, сделала то же самое. На пороге приемной залы повелитель глубоко вздохнул и обратился к своей супруге:

— Если Иосия выполнит свою миссию успешно, то мы, конечно, перейдем через мост.
— И нам не придется переплывать через водоворот, — закончила царица тем же тоном.
— И если ему удастся успокоить Мезу, — прибавил фараон, — и он уговорит свой народ остаться в стране...

— То ты примешь его — он честен и имеет такой величавый вид, — ты примешь его в число царских родственников, — прервала его царица.

При этих словах фараон выпрямился и с горячностью возразил:

– Как это возможно, еврея! Самой высшей для него наградой было бы то, если бы мы приняли его в число «друзей» или сделали его веероносцем! В подобном случае нелегкая задача – уберечься от слишком многого или от слишком малого.

Чем дальше шла царская чета во внутренние покои дворца, тем громче раздавались вопли плакальщиц. Это вызвало новые слезы на глазах царицы; но фараон продолжал размышлять о том, какое место в придворном штате он мог бы назначить Иосии в случае успешного выполнения данного тому поручения.

Х

Иосии следовало спешить, чтобы вовремя догнать евреев, так как чем дальше они подвинулись бы на своем пути, тем труднее было бы ему побудить Моисея и вождей еврейских племен к возвращению и принятию договора.

События этого утра казались ему столь чудесными, что он приписывал их промыслу вновь обретенного им Бога. Они напоминали ему также об имени «Иисус», то есть «вспомоществуемый Иеговой», которое он получил вследствие переданных ему слов Мариам. Он охотно соглашался носить его, так как хотя ему было и нелегко отказаться от того имени, под которым он достиг почестей, но многие из его товарищей делали то же самое. Его имя тоже было доблестно; однако же помощь Божия никогда не проявлялась ему с большею ясностью, чем в это утро. Он вошел во дворец фараона с опасением лишиться свободы или быть преданным в руки палача, если он будет настаивать на своем желании последовать за своими соплеменниками, и как быстро там исчезли узы, которыми он был прикован к военной службе! Но затем ему дана была задача, казавшаяся столь великой и прекрасной, что он готов был верить, что сам Бог его отцов призвал его для ее разрешения.

Иосия любил Египет. Это была в его глазах великолепная страна. Где мог его народ найти более прекрасное место для жительства? Только условия, в которых он жил, сделались для него невыносимыми. Но теперь у него было в перспективе лучшее будущее. Евреям предоставлялось на выбор: или возвратиться в провинцию Гесем, или же поселиться в приморской стране, на западном берегу Нила, плодородие и обилие вод которой было ему известно. Никто не будет иметь права принуждать его соплеменников к тяжким работам, и если какой-нибудь еврей отдаст свой ручной труд государству в качестве работника, то над ним будут надзирать только евреи, а не жестокие и свирепые иноплеменники.

Что евреи должны будут остаться подданными фараона, это и по его мнению разумелось само собою; Иосиф, Эфраим и его сыновья, его предки, ведь тоже были включены в число подданных царя и чувствовали себя совсем неплохо в качестве египтян.

Если договор состоится, то старейшины племен будут управлять самостоятельно внутренними делами народа. Наместником в новом месте жительства евреев, несмотря на возражения второго пророка Аммона, назначался Моисей; сам же Иосия должен был предводительствовать там войском, защищать границы этой страны и сформировать новые тысячи из еврейских солдат, успевших уже доказать свою храбрость в разных войнах. Между тем перед выходом из дворца второй пророк Бай сделал военачальнику какие-то намеки. Хотя его намеки в целом остались для него неясными, но из них вытекало, что жрец вынашивает какие-то чрезвычайные планы и намеревается, как только управление государством перейдет от Руи к нему, Баю, доверить Иосии большие дела, может быть, даже главное командование над всеми наемными войсками, находящимися теперь под начальством сирийца Аарсу. Это больше встревожило, чем обрадовало Иосию; но зато он был очень доволен тем, что ему удалось ввести в договор статью, по которой евреи через каждые два года могли переходить восточную границу, чтобы приносить жертвы в пустыне. По-видимому, Моисей должен придать такому позволению наибольшее значение, а по существовавшему закону никому не позволялось без разрешения властей переходить узкую пограничную полосу земли, замкнутую к востоку крепостными верками. Может быть, исполнение этого желания Моисея расположит великого вождя в пользу договора, выгодного для народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.